

949.7
L566b

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

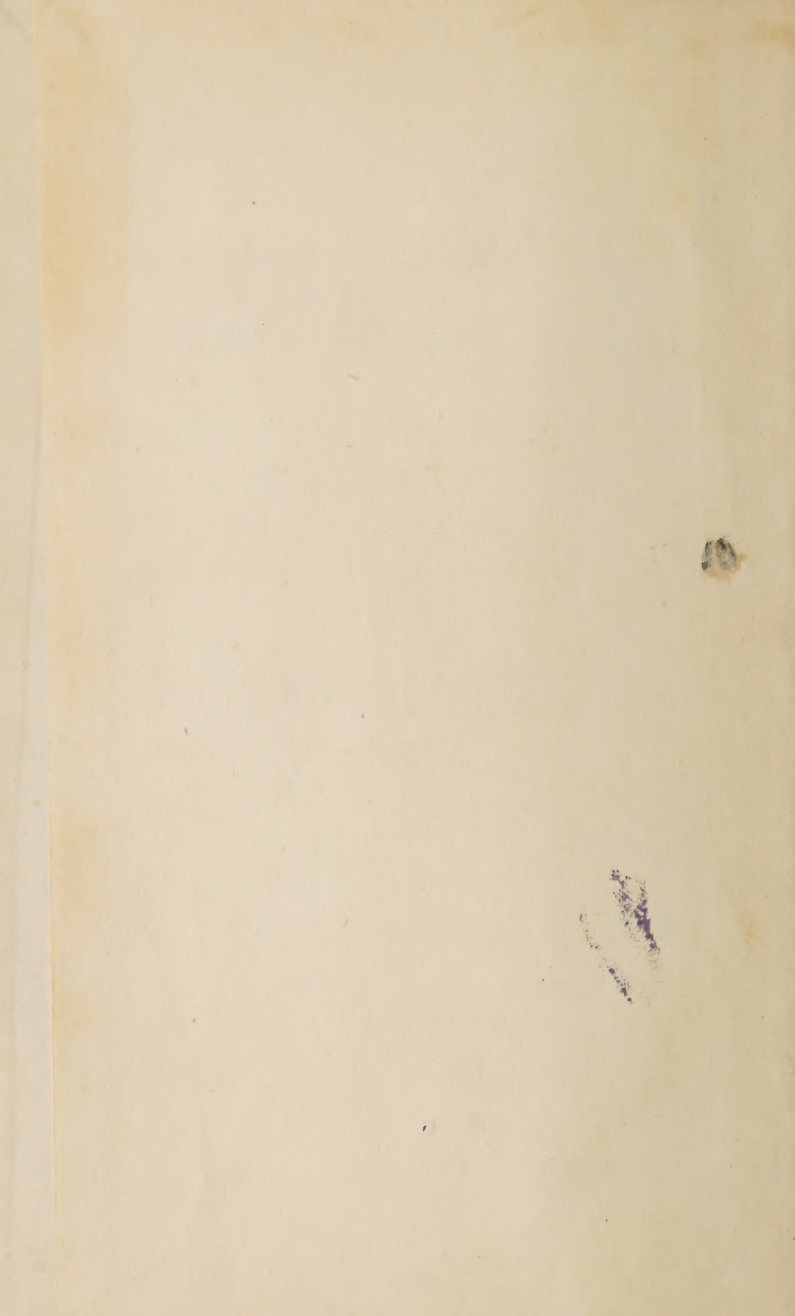

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

949.7
L566b

This **BOOK** may be kept out **ONE MONTH** unless a recall notice is sent to you. A book may be renewed only once; it must be brought to the library for renewal.

--	--	--

БОРЬБА

за духовное и политическое
объединеніе

Сербовъ, Хорватъ и Словинцевъ.

ЛЕКЦІИ,

прочитанныя проф. А. И. Беличемъ и С. Л. Станое-
вичемъ въ Петроградскомъ университетѣ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія „Научное Дѣло“. Загородный пр. 74.

1917.

Историко-филологическій факультетъ Императорскаго Петроградскаго Университета единодушно постановилъ, на основаніи предложенія г.г. проф. П. А. Лаврова, Н. В. Ястребова, пригласить двухъ профессоровъ сербскаго (Бѣлградскаго) Университета, А. И. Белича и Ст. Л. Станоевича, читать студентамъ лекціи по вопросамъ славяновѣдѣнія. Представленіе факультета, переданное въ Совѣтъ Петроградскаго Университета, единогласно принято его членами, въ засѣданіи 5-го сентября.

Проф. А. И. Беличъ и Ст. Л. Станоевичъ съ благодарностью приняли приглашеніе двухъ ученыхъ коллегій Петроградскаго Университета и въ октябрѣ прочли вступительныя лекціи, объявивъ свои курсы: проф. Беличъ, подъ названіемъ—Культурно-національное возрожденіе сербско-хорватскаго народа, а проф. Станоевичъ подъ названіемъ—Историческій очеркъ стремленій Сербско-Хорватъ и Словинцевъ къ политическому и культурному объединенію.

Вступительная лекція проф. А. И. Белича состоялась 7 октября, на тему: Современный сербско-хорватскій литературный языкъ, а вступительная лекція проф. Ст. Л. Станоевича состоялась 15 октября, на тему: Борьба сербско-хорватскаго народа за свободу и объединеніе.

Обѣ лекціи собрали большое число студентовъ и почти всѣхъ профессоровъ историко-филологическаго факультета. Въ числѣ гостей на обѣихъ лекціяхъ присутствовалъ и сербскій посланникъ Мирославъ И. Спалайковичъ.

Послѣ второй вступительной лекціи, проф. Ст. Л. Станоевича, проф. П. А. Лавровъ, по просьбѣ декана историко-филологическаго факультета, привѣтствовалъ обоихъ сербскихъ профессоровъ по-сербски. Мы приводимъ здѣсь его слова въ русскомъ переводѣ:

Дорогіе наши юсти,

г. Станоевичъ и г. Беличъ!

Прошу Васъ принять самый горячій мой привѣтъ по случаю Вашихъ лекцій, которыя привлекаютъ заслуженное вниманіе нашей молодежи. Вы пріѣхали къ намъ во время ужаснѣйшей европейской войны необычнымъ, далекимъ путемъ, черезъ Римъ и Парижъ. Ваша прекрасная родина занята величайшими врагами сербскаго народа Нѣмцами, Мадырами, Турками и—

это печально—также и Болгарами. Невыразимы Ваши народныя страданія. Я думаю, это не будетъ только мое личное пожеланіе, а и наше общее русское, чтобы по окончаніи войны осуществилось объединеніе всѣхъ сербскихъ, хорватскихъ и словинскихъ земель въ одно политическое цѣлое—Великую Сербію или, что одно и то же, Объединенную Югославію. Мое другое пожеланіе заключается въ томъ, чтобы съ наступленіемъ мира еще сильнѣе окрѣпили наши общеславянскія культурныя связи. Въ области науки да объединится славянская мысль! Пусть перестанутъ славянскіе ученые, какъ это часто бывало до сихъ поръ, печатать свои труды на нѣмецкомъ языкѣ, посылать свои статьи въ нѣмецкія изданія. Пусть появятся славянскіе журналы, въ которыхъ будутъ печататься работы на всѣхъ славянскихъ языкахъ! Въ послѣднее время намъ пріятно указать, что и у насъ произошли въ этомъ направленіи отрадныя явленія. Здѣсь въ Петроградѣ начались лекціи на польскомъ языкѣ на Высшихъ польскихъ курсахъ. И, нѣтъ сомнѣнія, польское преподаваніе возстановится на всемъ пространствѣ объединенныхъ польскихъ земель и голосъ польской науки раздастся въ полномъ соотвѣтствіи съ силой и энергіей національнаго польскаго энтузіазма. Въ Одессѣ выходитъ газета „Славянскій Югъ“, въ которой дружно сотрудничаютъ Сербы, Хорваты и Словинцы.

Еще разъ примите нашу благодарность.

Да здравствуетъ Сербія, да здравствуетъ Славянство!

Студентами были устроены шумныя оваціи, какъ сербскому посланнику М. И. Спалайковичу, такъ и сербскимъ профессорамъ.

М. И. Спалайковичъ благодарилъ привѣтствующихъ и воскликнулъ: „Да здравствуетъ могучая Россія и русско-сербское братство, освященное совмѣстными жертвами на полѣ брани. Да здравствуетъ славянская наука!“—

Здѣсь печатаются обѣ лекціи такъ, какъ онѣ были прочитаны. Такъ какъ въ нихъ разсматриваются вопросы, касающіеся духовнаго и государственнаго объединенія Сербовъ, Хорватъ и Словинцевъ, то онѣ и издаются тутъ подъ общимъ заглавіемъ: Борьба за духовное и политическое объединеніе Сербовъ, Хорватъ и Словинцевъ.

I.

**Современный сербско-хорватскій
литературный языкъ.**

Проф. А. И. БЕЛИЧЪ.

Милостивые государи!

{ Въ Бѣлградскомъ университетѣ, котораго я имѣю честь быть членомъ, не разъ подымался вопросъ объ обмѣнѣ профессорами съ другими славянскими университетами; но въ этихъ случаяхъ у насъ всегда имѣлось въ виду—увидѣть, какъ можно скорѣе, русскихъ и другихъ славянскихъ ученыхъ у себя. Въ этомъ не заключалось только эгоистическое стремленіе, получить извнѣ помощь для себя, для своего дѣла прежде всего, но скорѣе — искренне созннное соотношеніе между тѣмъ, что и сколько Бѣлградскій университетъ могъ бы дать и тѣмъ, что онъ извнѣ могъ бы получить.

Теперь, благодаря совершенно исключительнымъ обстоятельствамъ, этотъ обмѣнъ начался не такъ, какъ мы всѣ въ Сербіи думали и желали, и не при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя могли бы быть, на самомъ дѣлѣ, благопріятными для начала такого дѣла.

Нѣтъ сомнѣнія, что это чувствуютъ и знаютъ и наши глубокоуважаемые коллеги, въ высшей

степени любезно пригласившіе профессора Станоевича и меня подѣлиться своими лекціями съ студентами Императорскаго Петроградскаго Университета. И если они всетаки, несмотря на все это, удостоили насъ своимъ приглашеніемъ, то для насъ ясно, что они въ чести, оказанной намъ, желали оказать свое сочувствіе и свое уваженіе закрытому временно Бѣлградскому Университету и временно прогнанному отъ своихъ очаговъ и поработенному сербскому народу.

Это сознаніе наполняетъ нашу душу безграничной благодарностью къ представителямъ Петроградскаго университета, давшимъ намъ возможность читать лекціи въ стѣнахъ университета русской столицы, [и это сознаніе побуждаетъ насъ съ благодарностью принять это порученіе, несмотря на то, что въ нынѣшнее время мы наврядъ ли будемъ въ состояніи исполнить его такъ, какъ бы мы этого сами желали и какъ этого ожидаютъ отъ насъ наши коллеги, почтившіе насъ своимъ вниманіемъ.

Изъ массы вопросовъ, на которыхъ я могъ бы сегодня остановиться, я выбралъ сербскій литературный языкъ и его роль въ объединительныхъ стремленіяхъ сербско-хорватскаго народа. Это я сдѣлалъ не только потому, что этотъ вопросъ стоитъ ближе всего къ моимъ занятіямъ, но и благодаря тому внутреннему зна-

ченію, какое имѣетъ языкъ, какъ показатель стремленій народовъ. Хорошо извѣстно, что языкъ — часть души, часть внутренней жизни человѣка. Люди имъ дорожатъ не только какъ выразителемъ своей психики и своего міросозерцанія, но въ равной мѣрѣ и какъ условіемъ для истиннаго прогресса своего народа и проявленія своего творчества. Поэтому совершенно понятно, почему пробужденіе и возрожденіе народовъ сопровождалось всегда и возстановленіемъ правъ своего языка; обыкновенно какъ только являлись стремленія къ освобожденію народовъ изъ-подъ чужой опеки или чужого гнета, первымъ шагомъ въ этомъ отношеніи, предвѣщателемъ ихъ были требованія въ области материнской рѣчи.

Отсюда ясно, что вопросъ о языкѣ, свободно рѣшенный самимъ народомъ, какъ нельзя лучше освѣщаетъ и сознаніе тѣхъ узъ и связей, которыми различныя этнографическія группы связываются въ одно національное цѣлое, въ одинъ народъ. Для сербско-хорватскаго народа свидѣтельство языка еще болѣе важно, чѣмъ для многихъ другихъ народовъ потому, что различныя части сербско-хорватскаго народа и различныя области его продолжительное время были совершенно разрозненными. Такъ, какъ извѣстно, въ теченіе всего своего прошлаго Хорваты жили совершенно отдѣльной отъ Сербовъ жизнью образу сначала самостоятельное государство

Хорватию, которое потомъ, послѣ вымиранія народной династіи, примкнуло къ уніи съ Венграми, уже очень рано, въ 1102 г.; между тѣмъ Сербы, образовавши на востокѣ другое государство и продержавшись самостоятельно нѣсколько дольше подпали, также, въ 1459 г., подъ чужое, турецкое владычество. Такимъ образомъ, хотя Хорваты и Сербы по происхожденію — одинъ и тотъ-же народъ, имъ, по волѣ историческихъ судебъ, пришлось оставаться разъединенными. И если въ XIX вѣкѣ и тѣ и другіе сплотились въ одномъ литературномъ языкѣ, это значить, что продолжительное искусственное политическое разъединеніе все-таки не успѣло внести въ ихъ ряды фактической раздоръ. Этотъ фактъ получаетъ особенное значеніе по тѣмъ причинамъ, что онъ всплылъ на поверхность около половины прошлаго вѣка, именно въ то время, когда всѣ домогательства и Сербовъ и Хорватовъ, находившихся въ границахъ Австро-Венгріи, къ объединенію, хотя бы и въ ея предѣлахъ, оказались тщетными. И объединеніе Сербовъ и Хорватовъ въ одномъ литературномъ языкѣ было живымъ и постояннымъ протестомъ не только противъ административной и государственной разрозненности ихъ областей въ предѣлахъ Австро-Венгріи, но и за ея границами. Въ одномъ литературномъ языкѣ были символически выражены — полное національное тожество Сербовъ и Хорватовъ и цѣль

ихъ стремлений, получающихъ только теперь осуществленіе и заключающихся въ примѣненіи этого единства и въ другихъ областяхъ жизни, вплоть до полнаго ихъ политическаго объединенія въ одномъ государственномъ цѣломъ.

Только если такъ поймемъ значеніе общаго сербско-хорватскаго языка, намъ станутъ ясны и благоговѣйное отношеніе къ нему, столь характерное для сербско-хорватскихъ писателей XIX вѣка, и уваженіе, которымъ онъ у всего народа пользовался. Единство Сербовъ и Хорватовъ въ другихъ областяхъ культуры не могло, не смѣло проявиться виднымъ, замѣтнымъ образомъ; тутъ же оно было скрыто въ духѣ языка, въ душѣ самаго народа. За то народъ имъ дорожилъ еще больше. Поэты говорили: безъ него въ прошломъ Сербы и Хорваты только тѣнь, а въ будущемъ и — тѣни меньше; все, что мы нынѣ представляемъ, это благодаря ему, языку.

Если имѣть въ виду сильную мадьяризацию, предпринимавшуюся Мадырами противъ Хорватовъ и Сербовъ въ предѣлахъ Хорватіи до 1848 г., а внѣ ея предѣловъ и въ послѣдующее время, то не трудно понять, что отклоненіе всѣхъ мадьярскихъ попытокъ ввести въ Хорватію, въ ея внутреннемъ управленіи, въ ея школахъ, мадьярскій, хорватскому народу совершенно чуждый, языкъ — было равносильно большой побѣдѣ надъ врагомъ. А введеніе сербско-хорватскаго языка въ Хорватію, въ ея сеймѣ,

внутреннемъ управленіи и въ школахъ вмѣсто средневѣкового латинскаго языка съ 1847 года— обозначало уже духовную автономію Хорватіи, имѣло, такимъ образомъ, глубокое политическо-національное значеніе большихъ размѣровъ.

Поэтому понятнo, почему сербско-хорватскій литературный языкъ, какъ общій и единый для всѣхъ Сербовъ и Хорватъ, вышелъ цѣлымъ и невредимымъ изъ многихъ національных бѣдствій, постигавшихъ, одно за другимъ, сербско-хорватскій народъ въ теченіе XIX вѣка. Онъ въ бушующихъ кругомъ волнахъ стоялъ какъ гранитная скала, о которую онѣ разбивались. Сколько ни было покушеній, со стороны враговъ и несвѣдущихъ сыновъ собственнаго народа, на нѣкоторыя пріобрѣтенія культурной и національной жизни, которыя должны были сплотить Сербовъ и Хорватовъ, ничья рука не подымалась противъ единства ихъ языка. Врагъ не понималъ его значенія, оно ускользало отъ его полицейскаго взора; а весь сербско-хорватскій народъ чувствовалъ его очень глубоко. Такимъ образомъ, единство сербско-хорватскаго литературнаго языка осталось не только памятникомъ, который сербско-хорватскій народъ воздвигъ своему единству въ эпоху увлеченій идеями романтическаго теченія, плѣнившаго одно или два его поколѣнія, около половины XIX вѣка, во время общаго подъема, въ эпоху національнаго движенія, но, оставаясь непоколебимымъ

до настоящаго времени, оно болѣе, чѣмъ наглядное свидѣтельство непреложности священныхъ завѣтовъ, переданныхъ вмѣстѣ съ однимъ языкомъ или лучше въ одномъ языкѣ, Сербо-Хорватами первой половины XIX вѣка всѣмъ послѣдующимъ поколѣніямъ сербско-хорватскаго народа.

Но обратимся къ краткой исторіи возникновенія современнаго литературнаго языка Сербовъ и Хорватъ и къ его внутреннему развитію.

Къ сѣверу отъ современной Сербіи, въ Срѣмѣ, Бачкѣ и Банатѣ, началъ создаваться въ XVII вѣкѣ сербскій культурный центръ, имѣвшій въ послѣдующее время громаднѣйшее значеніе для просвѣщенія, внутренняго устройства и относительно быстраго культурнаго роста молодого сербскаго княжества южнѣ Савы и Дуная. Можно смѣло сказать, что до второй половины XIX вѣка бóльшая часть культурныхъ силъ княжества прибывала оттуда, и что главныя культурныя теченія шли съ сѣвера на югъ. Только во второй половинѣ XIX вѣка, и то постепенно, Сербія становится, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, руководящимъ центромъ сербскаго народа.

Но до этого времени значеніе сербской культурной жизни въ Южной Австріи сказалось такъ сильно на культурномъ развитіи всѣхъ Сербовъ, что его слѣды замѣтны и теперь. Однимъ изъ пер-

выхъ испытаній, которому пришлось тутъ подвергаться Сербамъ въ теченіе XVIII вѣка были посягательства австрійскаго правительства на сербскую православную церковь, съ желаніемъ привести Сербовъ, если не въ католичество, то въ Унію. Но несмотря на настойчивость шаговъ, предпринимавшихся Австріей въ этомъ направленіи, сербская церковь осталась не только непоколебимой, но именно въ это время значительно приблизилась къ русской церкви. Въ сербской церкви до тѣхъ поръ были въ употребленіи церковно-сербскій языкъ и книги, на немъ написанныя; а теперь представители сербской церкви, боясь злоупотребленій со стороны Австрійцевъ и по отношенію къ печатавшимся въ различныхъ мѣстахъ сербскимъ церковнымъ книгамъ, начали выписывать русскія церковныя книги для сербскихъ церквей. Ихъ дѣятельность въ этомъ отношеніи въ послѣдующее время значительно усилилась: къ 40-вымъ годамъ XVIII вѣка оказалось уже необходимымъ учредить у себя, для пониманія и правильнаго чтенія этихъ книгъ, русскія школы, съ выписанными изъ Россіи русскими учителями.

Съ этихъ поръ совершилось, во многихъ отношеніяхъ очень важное, полное соединеніе сербской и русской церквей въ одномъ церковно-русскомъ языкѣ, и это объединеніе, какъ знакъ духовныхъ узъ сербскаго народа и русскаго, хранится и понынѣ въ сербской церкви, гдѣ бы

она ни находилась, въ королевствѣ ли, или въ Далмаціи, Хорватіи, Босніи или въ другихъ областяхъ, въ которыхъ живетъ сербскій народъ. Это стало одной изъ характерныхъ чертъ сербской культурно-національной жизни.

Извѣстно, какое значеніе имѣютъ церковный языкъ и церковныя кяиги для культурнаго развитія современныхъ народовъ: они обыкновенно источникъ для многихъ отвлеченныхъ понятій, какъ христіанской морали, такъ вообще отвлеченнаго мышленія. Съ этихъ поръ до настоящаго времени это значеніе осталось по отношенію къ сербскому литературному языку за церковно-русскимъ языкомъ, остававшимся языкомъ сербской церкви на все послѣдующее время.

Изъ церкви въ указанныхъ сербскихъ областяхъ, въ Срѣмѣ, Бачкѣ и Банатѣ, церковный языкъ началъ переходить и въ нецерковную литературу и находить и внѣ церкви приверженцевъ, отстаивавшихъ его полное упроченіе въ сербской литературѣ. Сторонники его употребленія могли находить себѣ оправданіе въ томъ, что и раньше въ сербской письменности былъ въ употребленіи церковный языкъ. Но теперь общія условія были иныя и просвѣтительныя идеи конца XVIII вѣка начали уже было охватывать и Сербовъ. Раціонализмъ, стремленіе приблизиться къ народу, разбудить его и возвести на высшую ступень образованности—требовали обращенія къ нему на томъ языкѣ,

какой онъ понимаетъ. Поэтому неудивительно, что одинъ изъ первыхъ представителей новыхъ вѣяній у Сербовъ, Досиѳей Обрадовичъ, былъ защитникомъ народнаго языка въ литературѣ и самъ началъ на немъ писать. Онъ пользовался у Сербовъ большимъ авторитетомъ и большой любовью, такъ что уже со времени его дѣятельности можно считать, что этотъ вопросъ въ идейномъ смыслѣ былъ, если и не окончательно рѣшенъ, то для такого рѣшенія значительно подготовленъ. Но Досиѳей Обрадовичъ былъ неспособенъ практически, до конца, привести его въ исполненіе. На Обрадовичѣ сказывалось еще слишкомъ сильно вліяніе церковно - русскаго языка, отъ котораго въ достаточной мѣрѣ онъ всю жизнь свою не могъ освободиться. Онъ это и самъ прекрасно сознавалъ и указывалъ въ своихъ трудахъ, что другіе должны довести до конца то, что онъ началъ.

Но, какъ обыкновенно бываетъ, не сразу удалось это сдѣлать. Поколѣніе, пришедшее ему на смѣну, усматривало именно въ его невольныхъ уклоненіяхъ отъ народнаго языка—связь съ болѣе ранней литературой, съ церковью, съ образованностью, и было готово возвести въ норму то, чего не одобрялъ у себя и самъ Обрадовичъ: совершенно ненужное смѣшеніе двухъ языковъ, церковно-русскаго и народнаго сербскаго.

Противъ такого, искусственного, неестественнаго созданія литературнаго языка возсталъ, въ началѣ XIX вѣка, Вукъ Караджичъ, являясь истиннымъ преемникомъ Досиѣея Обрадовича.

И Вукъ Караджичъ, какъ и раньше Обрадовичъ, сталъ на правильную точку зрѣнія, что въ сербской литературѣ долженъ быть сербскій литературный языкъ; но разница между ними въ томъ, что Караджичъ могъ это и осуществить до мельчайшихъ деталей. Караджичъ былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ знатоковъ сербскаго народнаго языка. Онъ и до сихъ поръ, несмотря на то, что только съ него начинается, въ настоящемъ смыслѣ слова, современный сербскій литературный языкъ, классическій стилистъ. У него было геніальное чутье для истинно-народнаго и непосредственнаго во всемъ, что касалось сербскаго языка и сербскаго народа. Эти рѣдкія дарованія поставили его въ исключительныя условія: онъ не только могъ проповѣдывать необходимость употребленія народнаго языка въ литературѣ, но въ то же время и на практикѣ показывать, какъ это слѣдовало дѣлать. Когда Вукъ Караджичъ писалъ о доводахъ въ пользу употребленія народнаго языка, которымъ онъ самъ писалъ и говорилъ, онъ никогда не забывалъ упомянуть, что это и языкъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ, этого, какъ онъ выражался, вѣчнаго блага сербскаго народа и лучшаго украшенія его литературы.

Много томовъ народныхъ умотвореній, изданныхъ имъ и пронесшихъ славу сербскихъ народныхъ пѣсенъ по всему образованному міру того времени, словарь народнаго языка и остальное, имъ изданное,—все это ясно доказывало справедливость его утвержденій. Обороты народной рѣчи, образцы народнаго синтаксиса стали первыми источниками создававшагося тогда литературнаго языка.

Такимъ образомъ, сербскій народъ произведеніями своего творчества сталъ первымъ, выдающимся сербскимъ литераторомъ, высокой художественности твореній котораго никто не отрицалъ.

То, чего Вукъ Караджичъ требовалъ, было совершенно умѣстно. Онъ указывалъ, что не можетъ быть литературнаго языка безъ живого источника и что всѣ литературные языки были когда-то и народными. Церковно-русскій языкъ хорошъ для церкви, тамъ и слѣдуетъ его свято хранить, а если необходимо дѣлать заимствованія изъ него,—слѣдуетъ имъ придавать сербскій характеръ.

Караджичъ противопоставлялъ католическую церковь, съ чуждымъ народу латинскимъ языкомъ, національной православной славянской церкви, съ церковно-русскимъ языкомъ. Въ единствѣ православной церкви и въ общности интересовъ сербской и русской церквей онъ видѣлъ прочный залогъ чистоты сербскаго православія.

Караджичъ былъ вообще горячимъ сторонникомъ полной сохранности создавшихся уже близкихъ узъ русской и сербской церквей.

И, въ дѣйствительности, глубокая и важная реформа сербскаго литературнаго языка, предпринятая имъ, нисколько не коснулась церковно-русскаго языка въ сербской церкви.

Но зато, съ тѣмъ бѣльшей энергіей, Караджичъ обрушился на писателей въ родѣ Видаковича, сторонниковъ такъ называемаго средняго стиля, т.-е. смѣшаннаго сербско-славянскаго языка. Караджичъ правильно указывалъ, что эта школа писателей строила сербскій литературный языкъ на произволѣ; бери изъ сербскаго языка то, что тебѣ заблагоразсудится, изъ церковно-славянскаго точно также. Онъ противъ этого произвола возсталъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, то осмѣивая, то строго критикуя «изобрѣтателей» языка, то просто издѣваясь надъ ними.

Караджичъ былъ правъ. Безъ творческаго начала—трудно представить себѣ возможность развитія какого бы то ни было литературнаго языка. А это начало заключается въ естественной подкладкѣ всякаго литературнаго языка — въ употребленіи его у народа. Отсюда Караджичъ выводилъ, что писатели и литераторы того времени чѣмъ дальше стояли отъ народа, чѣмъ ученѣе были, тѣмъ были непригоднѣе для литературной работы этого рода. Нужно было вер-

нуться къ народу, освободиться отъ всѣхъ постороннихъ, чужестранныхъ вліяній для того, чтобы писать чистымъ народнымъ языкомъ. Обрадовичъ сдѣлалъ это сколько могъ; поколѣніе же Караджича должно было итти до конца.

Для писателей, получившихъ совершенно другое представленіе о литературномъ языкѣ, и шедшихъ на компромиссы — самое большее на столько, насколько шель невольнo Обрадовичъ, было трудно съ нимъ согласиться (напр., Милованъ Видаковичъ, Вуичъ, даже Мушицкій и др.); но возражать Караджичу было также трудно, тѣмъ болѣе, что на его сторонѣ былъ извѣстный ученый, вѣнскій славистъ, Словинецъ, Копитаръ, авторитетъ котораго былъ очень великъ. Поэтому можно считать, что Вукъ Караджичъ, съ своими идеями, побѣдилъ очень скоро, къ 20-мъ годамъ XIX вѣка, хотя, собственно говоря, полное торжество его реформы относится только ко второй половинѣ XIX вѣка. Дѣло въ томъ, что Караджичъ предложилъ и реформу орфографіи и даже графики, замѣняя нѣкоторыя сочетанія буквъ отдѣльными самостоятельными начертаніями. Тутъ поднялась, какъ почти всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, буря негодованія. Въ подобныхъ случаяхъ скаывается всегда, насколько традиціонизмъ глубоко вкорененъ въ душахъ народа. Достаточно вспомнить намъ, насколько трудно было, и въ

русской орфографіи, добиться и самыхъ ничтожныхъ измѣненій, чтобы это понять. Да и всѣ, такъ называемыя, историческія правописанія многихъ европейскихъ языковъ покоятся на этой же особенности народной психики. Такимъ образомъ, и сорокъ лѣтъ упорной борьбы въ этомъ направленіи для достиженія окончательныхъ результатовъ — срокъ вовсе не черезчуръ большой. Кромѣ всего другого, не слѣдуетъ терять изъ виду, что Караджичу было невозможно бороться съ оффиціальными представителями церковнаго вѣдомства въ сербскихъ провинціяхъ Австро-Венгріи, отстаивавшими старое, а также и съ представителями правительства молодого сербскаго княжества, находившимися подъ вліяніемъ первыхъ. Необходимо было подождать, чтобы его сторонники и приверженцы, число которыхъ все болѣе увеличивалось въ нарождающемся поколѣніи, могли оказать вліяніе на тѣхъ и другихъ. И это случилось между 60 и 70 годами прошлаго столѣтія, и тогда только дѣло Караджича полностью восторжествовало.

Въ чемъ же заключалась реформа Вука Караджича? Караджичъ былъ родомъ изъ сѣверо-западной Сербіи; онъ началъ писать своимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ, герцеговинскимъ, допуская, чтобы и всѣ остальные Сербы писали своими родными, мѣстными говорами. Но съ теченіемъ времени Караджичъ все болѣе убѣждался, что литературный языкъ, въ которомъ

оказались бы многочисленныя діалектическія разновидности, представлялъ бы странную смѣсь, совершенно недопустимую въ литературѣ, по многимъ причинамъ. Онъ началъ стремиться къ объединенію всего сербскаго языка въ одномъ литературномъ канонѣ, который бы не замедлили признать всѣ общимъ. Но онъ не могъ порвать сразу съ своими прежними взглядами о допустимости въ литературѣ народнаго языка, какъ таковаго; тѣмъ не менѣе онъ всѣми силами старался, чтобы допускаемая литературнымъ канономъ разновидности были сведены къ минимуму. Сначала онъ измѣнилъ кое-что въ своемъ герцеговинскомъ нарѣчій, внося въ его строй нѣкоторыя архаическія черты, которыя онъ нашелъ въ сербскомъ языкѣ того же типа въ Черногоріи и Южной Далмаціи. Такимъ образомъ, южное нарѣчіе или герцеговинское, которымъ онъ писалъ съ 40-выхъ годовъ прошлаго столѣтія и которое и теперь употребляется у Сербовъ западныхъ краевъ и Хорватовъ, не представляетъ больше его мѣстнаго говора, но извѣстное отвлеченіе и обобщеніе чертъ различныхъ говоровъ всего южнаго или герцеговинскаго нарѣчія, употреблявшагося не только въ Сербіи и Герцеговинѣ, но и въ Босніи, Черногоріи и Далмаціи.

Въ основу общаго литературнаго языка Караджичъ клалъ имъ установленныя черты этого говора; а представителямъ всѣхъ остальныхъ

нарѣчій онъ позволилъ уклоненіе отъ литературнаго канона только въ одной особенноти, въ передачѣ стараго звука *ѣ*, соотвѣтственно ихъ мѣстному произношенію. Такимъ образомъ, были получены три разновидности одного, общаго литературнаго языка, во всемъ тождественныя и вполнѣ совпадающія, за исключеніемъ произношенія и передачи на письмѣ буквы *ѣ* (какъ *ие*, *э* и *и*).

Литературный языкъ въ такомъ видѣ могъ быть языкомъ народнымъ почти всѣхъ сербско-хорватскихъ областей. Такъ говорили, въ общихъ чертахъ, не только въ Сербіи, но и въ Босніи, Герцеговинѣ, Славоніи, Срѣмѣ, Бачкѣ, Банатѣ, Черногоріи, части Далмаціи, Истріи и части Хорватіи. Литературный языкъ Вука Караджича долженъ былъ стать и литературнымъ языкомъ представителей указанныхъ областей уже по тѣмъ причинамъ, что въ нихъ и раньше этого времени были въ употребленіи мѣстныя народныя нарѣчія. Такъ, въ Дубровникѣ, давшемъ богатую литературу, былъ въ употребленіи тотъ же діалектъ, какимъ писалъ Караджичъ; у боснійскихъ или славонскихъ писателей было въ употребленіи нарѣчіе, совпадавшее съ Вуковскою западною разновидностью литературнаго языка; а Досиѣей Обрадовичъ и другіе писатели восточныхъ краевъ, Срѣма, Бачки и Баната писали языкомъ, соотвѣтствующимъ его восточной разновидности (съ произношеніемъ буквы *ѣ* какъ *э*).

Отсюда видно, какой громадной части сербского народа стали доступны произведенія сербской литературы, и какая огромная область сербского народа могла участвовать въ этой литературѣ. Кромѣ тѣхъ, которые въ это время называли себя Сербами, въ ней могли принимать участіе и католики, говорившіе на томъ же языкѣ, какъ и православные Сербы, и называвшіе себя въ большинствѣ случаевъ Хорватами. А какое значеніе имѣетъ употребленіе народнаго языка для литературнаго творчества—это показываетъ быстрый расцвѣтъ сербской литературы во второй половинѣ XIX в. Безъ провозглашенія народнаго начала въ литературѣ, развѣ были бы мыслимы въ самомъ началѣ новой жизни въ ней писатели—поэты, какъ князь-владыка Нѣгошъ или Бранко Радичевичъ?

Какъ только представители сербской литературы соглашались стать на точку зрѣнія народнаго начала литературнаго языка, языкъ Вука Караджича становился самъ по себѣ, какъ бы автоматически, языкомъ бóльшей части сербохорватскаго народа. Но въ это время одна часть Хорватъ, и именно та, которая находилась въ культурномъ центрѣ хорватскаго народа, въ такъ называемой цивильной Хорватіи, сѣвернѣе р. Купы, употребляла въ своей, мѣстной литературѣ мѣстное-же нарѣчіе, подходящее, по чертамъ своимъ, ближе къ словинскому языку, чѣмъ къ сербскому. Такимъ образомъ, Загребъ,

умственный и національный центръ одной части сербско-хорватскаго народа, былъ какъ-бы оторванъ отъ остальной его части; а, кромѣ того, и въ другихъ частяхъ сербско-хорватскаго народа, въ которыхъ употреблялся языкъ типа Вука Караджича, во многихъ отношеніяхъ, въ орѳографіи, въ чертахъ языка, царили полный произволъ и разногласіе. Извѣстно, какъ и въ такихъ случаяхъ мѣстные приемы являются помѣхой къ широкому, общему распространенію произведеній литературы. Поэтому нужно было усиліе широкаго размѣра, чтобы поставить всѣ части сербско-хорватскаго народа подъ одно и то же вліяніе произведеній представителей всего народа, и чтобы сдѣлать доступнымъ всему народу то, что до тѣхъ поръ являлось достояніемъ только той или другой его части. И что это очень скоро совершилось, громадная заслуга Вука Караджича и того авторитета, которымъ онъ пользовался не только въ части своего народа, но и въ рядахъ просвѣщенныхъ дѣятелей тогдашней Европы. Не слѣдуетъ забывать, что одинъ изъ самыхъ выдающихся историковъ всѣхъ временъ, Леопольдъ Ранке, писалъ исторію сербскаго возстанія по даннымъ, полученнымъ отъ Караджича, что извѣстный изслѣдователь языка и древностей германскихъ, Іаковъ Гриммъ перевелъ его-же сербскую грамматику на нѣмецкій языкъ, а самъ Гете переводилъ сербскія народныя пѣсни; знаменитый Копитаръ,

Словинецъ, былъ не только помощникомъ и другомъ Вука Караджича, но и глашатаемъ его славы; Мицкевичъ восторгался сербской народной поэзіей, а Пушкинъ переводилъ также сербскіе народные стихи...

Этотъ большой интересъ къ Вуку Караджичу и произведеніямъ сербскаго національнаго творчества былъ результатомъ того романтическо-націоналистическаго теченія, которое охватило всю Европу къ началу прошлаго столѣтія и которое не преминуло сказаться и на Балканахъ, у сербско-хорватскаго народа. Даже можно еще больше сказать. Окончательное торжество идей Вука Караджича у сербско-хорватскаго народа находится въ связи именно съ этими общественными теченіями почти всей Европы начала прошлаго вѣка.

Идеи романтизма и націонализма, охватившія всю Европу въ началѣ XIX вѣка, нашли для себя въ высшей степени благопріятную почву у Хорватъ. Пробужденіе Чеховъ и Словаковъ отзывалось живымъ эхомъ и у Сербо-Хорватъ Австро-Венгріи. Въ защитѣ своихъ національныхъ правъ и правъ своего языка отъ Мадьяръ, которые въ то время, когда добивались своей независимости и правъ своего языка, ногами попирали права хорватскаго народа, Хорваты должны были естественно искать поддержки у цѣлаго сербохорватскаго народа. Они шли еще дальше и приглашали всѣхъ Славянъ къ общему дѣлу со-

противленія національному врагу. Но самыми родственными и близкими помощниками своими считали они, понятно, Южныхъ Славянъ, не исключая Болгарь. Слѣдуя своимъ духовнымъ учителямъ Шафарику и Коллару, самый выдающійся представитель этого движенія у Хорватъ, получавшаго подчасъ стихійную силу, и вождь его, Людевитъ Гай считалъ всѣхъ Южныхъ Славянъ одной родственной славянской группой, и для того, чтобы не было пререканій изъ-за имени, изъ-за названій, между ними, предложилъ всѣмъ Южнымъ Славянамъ назвать себя „Иллирами“, названіемъ, правда, книжнаго происхожденія, но употреблявшимся нерѣдко въ прежнія времена для обозначенія почти всѣхъ Южныхъ Славянъ.

Гай не былъ политическимъ дѣятелемъ; онъ былъ апостоломъ великой идеи, наполнившей собой всѣ его помыслы и всѣ его мечтанія. Это — самое тѣсное, самое близкое единеніе всѣхъ Южныхъ Славянъ. Но его дѣятельность привела къ полному единенію только тѣхъ, которые по происхожденію и по крови были дѣйствительно самыми близкими и самыми родственными между ними, къ объединенію въ извѣстномъ направленіи Сербовъ и Хорватовъ.

Центральнымъ пунктомъ Гаевского движенія былъ вопросъ о литературномъ языкѣ. Цивильная Хорватія, гдѣ зародилось это движеніе, какъ мною было уже упомянуто, имѣла свою мѣстную литературу, съ мѣстнымъ діалектомъ,

находящимся въ ближайшемъ родствѣ со словинскимъ языкомъ, а не съ сербохорватскимъ остальныхъ областей. Сознавая это и находя невыгоднымъ для большого объединительнаго движенія, предпринятаго имъ, чтобы такая часть сербско-хорватскаго народа была литературнымъ языкомъ отдѣлена отъ остальной части, Гай съ сотрудниками своими отбросилъ нарѣчіе Хорватъ, хотя и родное, но имѣвшее только мѣстное значеніе, и воспринялъ для литературы своего края сербско-хорватскій языкъ остальныхъ областей, получившій уже было полную кодификацію въ трудахъ Вука Караджича и его реформъ. Это имѣло громадное значеніе. Правда, Хорваты не сразу примкнули къ реформѣ Караджича во всѣхъ его деталяхъ. Гай и его сотрудники въ началѣ думали опереться больше на литературный языкъ Дубровника, имѣя въ виду богатую литературу этой, еще до недавняго времени свободной, республики сербско-хорватской. Но, самое главное, принципиальный вопросъ о единствѣ сербско-хорватскаго литературнаго языка, по существу, былъ тогда уже окончательно рѣшенъ.

Съ этихъ поръ не было уже поворотовъ въ сторону, и хотя въ различныхъ краяхъ сербско-хорватскаго народа кое въ чемъ и расходились, но для литературнаго языка съ этого времени всѣ уже пользовались народнымъ языкомъ, или близко подходящимъ къ языку Вука Ка-

раджича или и вполне совпадающимъ съ нимъ. Все послѣдующее развитіе сербско-хорватскаго литературнаго языка и клонилось ко все большему уравниенію всѣхъ мѣстныхъ различій и обобщенію одного типа литературнаго языка.

Когда, около половины прошлаго столѣтія, послѣ революціи 1848 года, политическое объединеніе Сербовъ и Хорватъ, находившихся въ предѣлахъ Австріи, оказалось неосуществимымъ, то неудовлетворенныя національныя стремленія Сербовъ и Хорватъ вылились, по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи, въ опредѣленныя, реальныя рамки: въ области литературнаго языка. Въ 50-мъ году собрались представители Сербовъ и Хорватъ и въ общемъ засѣданіи порѣшили, что съ этихъ поръ языкъ Вука Караджича, въ полномъ своемъ объемѣ, не исключая трехъ разновидностей его по отношенію къ произношенію буквы Ъ, долженъ стать общимъ языкомъ всѣхъ Сербовъ и Хорватъ. И Вуку Караджичу было поручено написать основныя его правила въ краткомъ, сжатомъ изложеніи, для широкаго употребленія его.

Съ теченіемъ времени, изъ трехъ указанныхъ разновидностей въ литературномъ употребленіи удержались только двѣ: та, которою говорили Сербы болѣе восточныхъ краевъ, и которая стала господствующей какъ въ Срѣмѣ, Бачкѣ и Банатѣ, такъ и въ Сербскомъ княжествѣ, а потомъ королевствѣ, заключавшаяся въ

передачѣ буквы Ъ посредствомъ Э, и та, которую писалъ Вукъ Караджичъ, и которая обыкновенно называется южной. Она заключается въ передачѣ Ъ посредствомъ Е или ИЕ. Кромѣ Черногоріи, въ которой эта разновидность употреблялась съ давнихъ поръ, мы находимъ ее одинаково у Сербовъ и Хорватовъ всѣхъ западныхъ областей, стало быть въ Босніи и Герцоговинѣ, Далматіи, Истріи и Хорватіи съ Славоніей. Третья разновидность въ литературномъ языкѣ совершенно утрачена.

Такимъ образомъ, совершилось полное объединеніе Сербовъ и Хорватовъ въ литературномъ языкѣ. Въ этомъ духовномъ объединеніи Сербо-Хорватъ былъ намѣченъ путь, которымъ нужно было итти и въ другихъ направленіяхъ. Полное культурное общеніе между ними должно было быть его первымъ послѣдствіемъ... Но австрійское, а потомъ австро-венгерское правительство сдѣлало все, что можно было сдѣлать, для того, чтобы культурное общеніе между Хорватіей и Сербіей не было слишкомъ интенсивно. И на самомъ дѣлѣ, часть литературной дѣятельности Сербо-Хорватовъ, сосредоточенная въ Загребѣ, начала постепенно отдѣляться, отъ той ея части, которая сосредоточилась сначала въ Новомъ Садѣ, а потомъ въ Бѣлградѣ.

Въ первомъ случаѣ, т. е. въ Загребѣ, общій литературный языкъ находился въ извѣстномъ смыслѣ въ чужой средѣ; его нужно было отчасти

учить и постоянно оберегать его чистоту; съ другой стороны, у Хорватъ еще со временъ Гая, были очень близкія связи съ представителями чешскаго возрожденія; хорватскій „препород“, хорватское возрожденіе, какъ бы отраженіе чешскаго возрожденія. У Хорватъ начали прививаться многіе способы созданія и направленія литературнаго языка, примѣнявшіеся у Чеховъ: началось искусственное созданіе неологизмовъ, чистка языка отъ заимствованныхъ словъ и пр. Кромѣ того и заимствование изъ дубровницкаго словаря, потомъ вліяніе домашняго діалекта, и, наконецъ, вліяніе чужого, нѣмецкаго языка— все это давало особенный отпечатокъ литературному языку Загреба и Хорватіи. Онъ получалъ какой то искусственный оттѣнокъ, хотя и было немало выдающихся писателей, имъ писавшихъ.

Въ восточной части, съ Бѣлградомъ во главѣ, у литературнаго языка развилась больше внутренняя сторона, чѣмъ внѣшняя. Владѣя хорошо духомъ языка, ибо литературный языкъ тутъ былъ въ тоже время и народнымъ языкомъ, материнской рѣчью, писатели той части народа, у которой былъ главный центръ Бѣлградъ, хотя и были иногда неряшливы въ формѣ, чего нельзя сказать о писателяхъ Загреба, развивали въ своемъ языкѣ все новыя особенности, приспособляя его къ новымъ нуждамъ и потребностямъ. Литературный языкъ, получившій начало

у Вука и Даничича, получалъ тутъ свое естественное, логическое продолженіе.

Эти черты литературнаго языка восточной половины сербо-хорватскаго народа, ставшія особенно яркими въ послѣднія десятилѣтія, не могли быть не замѣчены и въ западной части его. Этому способствовало еще то обстоятельство, что въ восточной его части было Сербское королевство, которое и въ другихъ направленіяхъ получало руководящую роль, по тѣмъ причинамъ, что въ немъ могли свободно и развиваться и высказываться тѣ объединительныя идеи, о которыхъ съ трудомъ только и упоминалось въ сербско-хорватскихъ земляхъ Австро-Венгерской монархіи. Представленіе о полномъ единствѣ сербско-хорватскаго народа сказывалось въ королевствѣ, не только въ политическихъ разсужденіяхъ на эту тему, но во всемъ, что предпринималось въ духовно-культурной жизни его: въ научныхъ концепціяхъ, въ искусствѣ, въ общественныхъ сношеніяхъ и т. д. Если къ этому прибавить и самую большую литературную производительность именно восточной половины и гибкій, живой, бьющій ключемъ литературный языкъ, то станетъ совершенно понятно, что лучи вліянія восточнаго центра, Бѣлграда, должны были, по естественному положенію дѣла, распространяться и далеко за политическія границы Сербскаго королевства и охватывать не только Сербовъ за ними, но и Хорва-

товъ. Поэтому, когда два-три года назадъ, хорватская молодежь положила вѣнокъ на гробъ Ивана Скерлича, литературнаго историка и профессора Бѣлградскаго университета, съ надписью — „учителю своему“, она не преувеличивала дѣйствительнаго факта. Это руководящее значеніе, какое получило Сербское королевство во всемъ сербско-хорватскомъ народѣ, и какое, по остроумному замѣчанію великаго хорватскаго патріота, епископа Штросмайера, принадлежало ему по праву первородства, усилилось еще въ значительной мѣрѣ, когда въ 1912 и 1913 годахъ Сербія показала и изумительную военную силу. Весь сербско-хорватскій народъ вздрогнулъ; послѣ многихъ разочарованій у него теперь зародилась надежда, что онъ впредь не будетъ угнетаемъ и въ предѣлахъ Австро - Венгріи. Онъ почувствовалъ, что его центръ, Сербія, значительно упрочился. Освобожденіе Старой Сербіи и Македоніи было для нихъ всѣхъ только гарантіей, что развитіе сербско - хорватскаго культурнаго развитія въ будущемъ пойдетъ болѣе правильно и всесторонне, чѣмъ до сихъ поръ.

Поэтому, когда былъ поставленъ вопросъ одной изъ редакцій литературныхъ журналовъ королевства, не пора ли подумать о томъ, чтобы изъ двухъ разновидностей литературнаго произношенія обобщить одну для всего сербско-хорватскаго народа, получились отвѣты, кото-

рые своей откровенностью поразили всѣхъ. Не только литераторы и публицисты, но и профессора университета, находящіеся въ самомъ центрѣ Австріи, какъ М. Решетаръ, говорили, что побѣдить и должна побѣдить та разновидность, которою говорили герои Куманова и Брегалъницы.

Извѣстный литераторъ изъ Мостара, въ Герцеговинѣ, Свѣтозаръ Тьоровичъ писалъ: „Если бы и не было другихъ причинъ, чтобы взять восточную разновидность (онъ самъ пишетъ южной), я думаю, что ее нужно было бы выбрать уже потому, что ею говорятъ герои съ Куманова и Брегалъницы. Они насъ разбудили, на ноги поставили и оживили: они, славные и великіе, принесли въ жертву свою жизнь для братьевъ своихъ, сдѣлали, чтобы мы впервые до конца почувствовали, насколько мы одно, и насколько нераздѣлимы. Наши глаза направлены сегодня на нихъ, мы восторгаемся ими и преклоняемся передъ ними. Мы сегодня всѣ дышемъ ихъ духомъ; мы всѣ должны писать ихъ языкомъ, всѣ, Сербы и Хорваты“ (16 января 1914 года).

Кулишичъ, изъ древняго Дубровника, имѣвшаго богатую литературу, писанную южной разновидностью, съ нѣкоторой сентиментальностью констатируетъ, что его родной діалектъ обреченъ жизнью къ смерти, для того чтобы уступить свое мѣсто восточному говору коро-

левства: „Само время, говорить онъ, принесетъ собою полное торжество восточной разновидности въ сербско-хорватской литературѣ. Объ этомъ нечего и разсуждать: она, если и не общая черта сербско-хорватскаго литературнаго языка, то преобладаетъ и является господствующей. Все лучшее, болѣе важное и художественное, между оригинальными и переводными произведеніями сербско-хорватской литературы, написано и издано на восточномъ нарѣчіи. Южное нарѣчіе начинаетъ подчиняться, и оно уступить совсѣмъ свое мѣсто восточному. Красивое, мягкое и художественное южное нарѣчіе мы съ удовольствіемъ будемъ находить у нашихъ классиковъ; оно останется лучшей частью нашей діалектической литературы; но мы объ этомъ не должны жалѣть: мы должны преклониться передъ могуществомъ времени“ (16 марта 1914 г.).

Наконецъ, приведу еще слова поэта Мирка Королии (изъ Задара въ сѣверной Далмаціи), который въ поэтическомъ видѣніи представляетъ себѣ сербско-хорватскій народъ слѣдующимъ образомъ: «Когда я себѣ представляю нашъ народъ, я его вижу въ образѣ великаго змѣя; его огненную пасть я замышляю у вершинъ Бѣлграда, этого верха верховъ нашего народа. Это тѣ самыя уста, которыя огненной рѣчью говорили съ Шаръ-горы, на Вардарѣ, у Битоля, у Прѣполя, на Лимѣ и на Дримѣ. И эта рѣчь была рѣчью произведеній нашихъ».

Тутъ снова, но теперь въ послѣдній разъ, быть можетъ, сербскій литературный языкъ получилъ символическое значеніе для всего сербско-хорватскаго народа. Не важно то, что многіе представители зарубежныхъ Сербовъ и Хорватовъ отдають предпочтеніе литературному центру Сербскаго королевства и выражаютъ готовность усвоить всѣ его черты; важно то, насколько національное значеніе Сербіи для объединенія всего сербско-хорватскаго народа получило выраженіе въ такихъ, отъ этого, казалось бы, независящихъ вопросахъ, какъ усвоеніе того или другого оттѣнка литературнаго языка. Само собою разумѣется, что дѣло этимъ еще не рѣшалось, и что господствующимъ оттѣнкомъ литературнаго языка будетъ тотъ, который лучше отстоитъ себя до конца; но въ высшей степени знаменательно именно то, насколько послѣднія событія, укрѣпившія Сербское королевство и давшія новыя надежды всему сербско-хорватскому племени, сильно сказались въ его духовныхъ концепціяхъ.

И это было всегда такъ. Хотя около половины XIX вѣка сербско-хорватскій народъ сплотился въ одно духовное цѣлое, тѣмъ не менѣе на его дальнѣйшемъ духовномъ развитіи сказывалось сильное вліяніе двухъ возможностей государственнаго объединенія, и оба центра его, восточный и западный, одно время, казалось, имѣли одинаковыя шансы на первенствующую роль. Лозунгомъ

перваго центра, Бѣлграда, было поли
объединеніе всѣхъ сербско-хорватскихъ з
въ независимомъ государствѣ, а лозунгомъ дру-
гого, Загреба, было—объединеніе ихъ въ авто-
номномъ цѣломъ, представляющемъ часть воз-
родившейся на федеративныхъ началахъ Австріи.
Но и тутъ и тамъ имѣлось въ виду, въ конеч-
номъ итогѣ, полное объединеніе народа. Съ те-
ченіемъ времени, послѣ многихъ неудавшихся
попытокъ и горькихъ разочарованій во второй
возможности,—крѣпло убѣжденіе, въ особенно-
сти въ послѣднія десятилѣтія, что только пол-
ной государственной независимостью можно
прочно разрѣшить политическую лему
сербско-хорватскаго народа.

Считъ, что
восточный центръ показывалъ больше гарантій
для осуществленія своей концепціи объединенія,
которая въ зародышѣ была представлена въ само-
стоятельности и независимости Сербскаго ко-
ролевства... И это сказалось и въ томъ духов-
номъ предпочтеніи, какое выдающіеся предста-
вители зарубежныхъ Сербо-Хорватовъ признали
за восточнымъ центромъ. Ему оказаны особен-
ная честь и признаніе, но зато на него были
возложены и непомѣрно трудныя задачи.

Но каковы бы ни были трудности, какія
восточному центру придется преодолѣвать, онъ
будетъ силенъ сознаніемъ, что великія задачи
выпали ему на долю не случайно, или по волѣ
какихъ-нибудь исключительныхъ причинъ, но въ

силу всего предшествующаго историческо-національнаго и культурнаго развитія сербско-хорватскаго народа. А когда эти задачи будутъ исполнены, когда Сербо-Хорваты и Словинцы образуютъ одно государство, всѣ они тогда, въ первый разъ, будутъ поставлены въ тождественныя условія для положительнаго духовнаго развитія. Всѣ духовныя силы ихъ, представляющія разнообразныя оттѣнки и переходы, примутъ тогда участіе въ созданіи единой культурной жизни. И въ производительномъ состязаніи всѣхъ творческихъ силъ Сербо-Хорватъ и Словинцевъ возьмутъ верхъ тѣ изъ нихъ, которыя лучше остальныхъ сумѣютъ воплотить въ себѣ духъ цѣлаго.

II.

**Борьба Сербско-Хорватскаго народа
за свободу и объединеніе.**

Проф. Ст. Л. Станоевичъ.

Странны обстоятельства, при которыхъ мнѣ приходится читать лекціи передъ Вами по исторіи сербскаго народа. Когда мы, представители Бѣлградскаго университета, обсуждали вопросъ объ обмѣнѣ научными силами съ другими, а на первомъ мѣстѣ съ русскими университетами, мы предполагали, что этотъ обмѣнъ совершится при обычныхъ условіяхъ, и что въ то время, когда въ русскихъ университетахъ появятся представители молодого сербскаго университета и молодой сербской науки,—что въ это самое время и студентамъ Бѣлградскаго университета посчастливится слушать русскихъ выдающихся ученыхъ, которыми богата русская наука и русскіе университеты.

Но по волѣ судьбы вышло иначе. Петроградскій университетъ любезно открылъ двери двумъ профессорамъ Бѣлградскаго университета. Они пришли со своей родины, какъ бѣженцы, а Бѣлградскій университетъ не въ состояніи отвѣтить Петроградскому тѣмъ же, ибо въ его аудиторіяхъ нынѣ помѣщаются австрійскія канце-

ляріи, гдѣ обдумываются теперь планы и средства противъ тѣхъ, которые два года назадъ тутъ работали, учились любить свободу и готовились стать полезными своему народу и всему чело-вѣчеству.

Въ эти трудныя минуты, когда сыны сербскаго народа разсѣяны по всему міру, сербскій народъ не утратилъ вѣры въ свое будущее, глубоко убѣжденный въ правотѣ дѣла за которое онъ борется и которому онъ принесъ многочисленныя тяжелыя и кровавыя жертвы.—У него является чувство особеннаго удовлетворенія, когда это подтверждается ему и съ другихъ сторонъ. Приглашеніе профессора Белича и меня читать лекціи въ Петроградскомъ университетѣ представляетъ не только особенную честь, оказанную сербскому университету, сербской наукѣ и всему сербскому народу, но и подтвержденіе того, что стремленія сербскаго народа, осуществленію которыхъ способствовалъ и Бѣлградскій университетъ, справедливы. И это, несомнѣнно, знаменательно для сербскаго дѣла.

Но насколько необычайны обстоятельства, при которыхъ имѣютъ мѣсто наши лекціи въ Петроградскомъ университетѣ, настолько же трудна задача, выпавшая мнѣ на долю. Поколѣніе, создающее исторію, неохотно слушаетъ ее и изучаетъ. Это совершенно естественно и справедливо. Въ настоящій моментъ, въ великой міровой войнѣ, когда, больше чѣмъ когда-либо

въ исторіи человѣчества, выведено людей на бойню, когда ежедневно гибнуть тысячи людей, когда не только отдѣльные люди, но и цѣлые народы въ совокупности показали и все еще показываютъ такъ много прямо сказочнаго героизма и доблести, самопожертвованія и патріотизма, — теперь интересъ къ настоящему и забота о будущемъ настолько велики, что всецѣло поглощаютъ собою все вниманіе отдѣльныхъ людей, всего общества и цѣлыхъ народовъ. При такихъ обстоятельствахъ старые пергаменты теряютъ свою прелесть и для спеціалистовъ, а рассказы о борьбѣ и стремленіяхъ въ прошедшемъ кажутся пустыми.

Но все-таки, даже и въ эти минуты отчаянной борьбы на жизнь и на смерть, когда гибнутъ государства и уничтожаются народы, есть достаточно основаній изучать прошлое.

Всѣ историческія событія и все развитіе государствъ и народовъ—результаты болѣе старыхъ процессовъ. Какими бы великими событіями и великой борьбой ни бывали вызываемы большія перемѣны въ существующемъ порядкѣ, и какъ бы ими ни нарушались имѣвшіяся на лицо обстоятельства и традиціи, все-таки при упорядоченіи новаго положенія и окончательномъ созданіи его необходимо считаться съ тѣмъ, что первоначально вызвало эту борьбу, для того, чтобы впредь были устранены зародыши причинъ, вызвавшихъ перемѣны. Результатъ борьбы дол-

женъ заключаться всегда въ устраненіи условій, вызвавшихъ эту борьбу. Въ тѣхъ случаяхъ, когда такъ поступаютъ, удается устранить причины и поводы для новыхъ столкновеній и новой борьбы, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока ихъ само историческое развитіе снова не вызоветъ. Но исторія учитъ, что не всегда такъ поступали, и что изъ-за этого новые кризисы и новыя столкновенія являлись и раньше того времени, когда они должны были бы явиться.

Эта война такъ ужасна во всѣхъ отношеніяхъ, жертвы такъ велики и дороги, что первой заботой побѣдителей при заключеніи мира должно быть созданіе условій, при которыхъ милитаристическое государство и милитаристическій народъ, каковыми являются въ данное время нѣмцы, будутъ лишены возможности терроризировать другіе государства и народы.

Но культурные народы Европы должны послѣ этой войны быть гарантированы не только отъ притѣсненія государствъ и народовъ, желающихъ властвовать, но и ихъ взаимныя отношенія должны быть такъ упорядочены, чтобы на возможно большій срокъ избѣгать поводовъ къ новымъ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ. А это можно осуществить только въ томъ случаѣ, если будутъ удовлетворены всѣ законныя стремленія и жизненные ихъ интересы, являющіеся послѣдствіемъ географическаго положенія и историческаго развитія ихъ.

Сербскій вопросъ одинъ изъ тѣхъ, которые вызвали эту великую войну; онъ, случайнымъ образомъ, далъ ей и непосредственный толчокъ; онъ, такъ сказать, былъ послѣдней каплей, переполнившей чашу. Хотя сербскій вопросъ и не причина европейской войны, онъ, несомнѣнно, въ тѣсной и непосредственной связи съ тѣми вопросами, которые вызвали столкновение двухъ большихъ группъ европейскихъ народовъ и государствъ. Поэтому и сербскій вопросъ одинъ изъ тѣхъ, которые должны быть послѣ войны окончательно урегулированы.

Когда рѣчь идетъ о сербскомъ вопросѣ, необходимо прежде всего указать на два момента. Сербскій вопросъ—не новый вопросъ, какъ это могло показаться европейскому обществу, и во-вторыхъ: большая духовная сила, которую весь сербскій народъ, а въ особенности Сербія, показали въ послѣдніе годы, — не случайнаго характера, не вспышка момента и каприза; она— естественное послѣдствіе совокупнаго національнаго и государственнаго развитія въ прошломъ, она синтезъ всей исторической жизни сербскаго народа.

Не трудно объяснить, почему это не было извѣстно за границами Сербіи. Маленькій и сосредоточенный въ себѣ, занятый только своими недочетами и своими внутренними мелкими заботами, народъ Сербіи былъ продолжительное время извѣстенъ Европѣ только по

своимъ скандальнымъ исторіямъ, всплывавшимъ на поверхность, а на самомъ дѣлѣ бывшимъ, хотя бы до извѣстной степени, естественными слѣдствіями внутреннихъ переживаній, неурядицъ и борьбы за установленіе и упроченіе основныхъ устоевъ государства. И пока другіе маленькіе народы въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій стяжали похвалы великихъ культурныхъ народовъ, какъ послушныя и милыя дѣти,—въ это время сербскій народъ считался дурнымъ и неподдающимся дисциплинѣ ребенкомъ, лишеннымъ какихъ бы то ни было хорошихъ качествъ и не подававшимъ надежды на возможность исправленія. Но когда начали совершаться великія событія, когда нужно было свои убѣжденія доказывать большими затратами крови и нервовъ, тогда и сказалось, что у сербскаго народа было гораздо больше моральной силы, чѣмъ это кто бы то ни было предполагалъ.

Откуда эта духовная сила? Какимъ образомъ случилось, что сербскій народъ обнаружилъ такую силу и такое воодушевленіе въ великія минуты побѣды, и столько стоической выносливости въ трудные моменты испытаній и гибели? Откуда черпалъ онъ ту силу, о которой, повидимому, никто ничего не зналъ?

Отвѣтъ на эти вопросы дастъ намъ разсмотрѣніе судебъ сербскаго народа, а въ частности прошлаго сербскаго королевства.

Когда пришли на Балканскій полуостровъ Сербы, Хорваты и Словинцы, они были раздѣлены на много маленькихъ племенъ безъ какой бы то ни было государственной организациі. Только тутъ, въ новомъ отечествѣ своемъ, Сербы, Хорваты и Словинцы получили первыя представленія о жизни государства и о государственномъ устройствѣ. Фактъ большого значенія, что первое государство на славянскомъ югѣ, соотвѣтственно своему этническому составу, было сербско-хорватско-словинскимъ. Это—государство Людовика Посавскаго въ началѣ IX вѣка, которое, хотя и не объединило всего сербо-хорватскаго и словинскаго народа, охватывало области вдоль Савы, Дравы и Дуная отъ Любляны до Видина, слѣдовательно, весь словинскій народъ, значительную часть Хорватовъ и часть Сербовъ. Возникновеніе и устройство государства Людовика важны, какъ символическая попытка сербско-хорватско-словинскаго объединенія. Въ другихъ отношеніяхъ она не имѣла никакого значенія и никакихъ послѣдствій въ дальнѣйшемъ. У государства Людовика не было достаточно силы, чтобы долго продержаться, а внѣшнія обстоятельства уже и тогда, какъ и все послѣдующее время, въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ, вплоть до нынѣшняго дня, складывались противъ сербско-хорватско-словинскаго объединенія, мѣшая сплотиться всему нашему народу въ одно цѣлое. Но почувствовавъ свободу, хотя

бы и на короткое время, и получивъ нѣкоторое представленіе о государственномъ устройствѣ и государственной жизни, сербско-хорватскій и словинскій народъ добивался и послѣ этого своего національнаго государства.

Но это удавалось съ большими трудностями, ибо могущественные сосѣди и на востокъ и на западъ этому мѣшали. Постороннія вліянія не только мѣшали осуществленію этихъ стремленій, но, въ то же время, и создавали такія условія, что Сербо-Хорваты и Словинцы, вслѣдъ за первой попыткой ихъ объединенія, впослѣдствіи скорѣе удалялись другъ отъ друга, чѣмъ сближались. Словинцы вскорѣ послѣ этого подпали подъ чужое владычество и утратили, уже навсегда, свою самостоятельность. Хорваты въ X и XI вѣкахъ имѣли при морѣ свое національное государство, бывшее въ нѣкоторые моменты довольно сильнымъ, но и оно уже въ самомъ началѣ XII вѣка потонуло въ мадыарскомъ государствѣ. И у Хорватъ съ этихъ поръ уже никогда не было своего національнаго государства. Только сербскій народъ и послѣ гибели словинскаго и хорватскаго государствъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ имѣлъ свои національныя государства. Но по отношенію къ политическому единству и у сербскаго народа съ теченіемъ времени можно отмѣтить нѣкоторый уронъ. Въ X вѣкѣ удалось, правда, князю Чаславу побѣдить сепаратистическія стремленія отдѣльныхъ серб-

скихъ областей и создать одно государство, которое охватывало почти весь сербскій народъ; и въ XI вѣкѣ точно такъ же удалось Зетской династїи собрать воедино почти всѣ сербскія области; но точно такъ же, какъ послѣ упадка государства Людовика началось разъединеніе и созданіе отдѣльныхъ государственныхъ центровъ, такъ и теперь, въ XII вѣкѣ, у сербскаго народа началось раздробленіе государства — на государство Неманичей—Рашку, и на Боснійское государство. Позже это раздвоеніе пошло еіще дальше; отъ Рашки въ XIV вѣкѣ отдѣлилась, какъ отдѣльное государство, Зета (Черногорія), а отъ Босніи въ XV вѣкѣ—Хумъ (Герцеговина).

Такимъ образомъ, турецкое нашествіе застало сербскій народъ въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ государствахъ, такъ что онъ благодаря этому могъ дать гораздо болѣе слабый отпоръ, чѣмъ могъ бы дать при другихъ обстоятельствахъ.

Въ концѣ XV вѣка сербскій народъ былъ снова почти весь объединенъ въ одномъ государствѣ, но это государство было чужое, а сербскій народъ былъ рабомъ. Турецкое иго, тяготѣвшее вѣками, отчасти и до нашихъ дней, заставило сербскій народъ отстать на цѣлые вѣка не только въ политическомъ отношеніи, но, прежде всего, въ культурномъ. Вся культура старыхъ сербскихъ государствъ, со всѣмъ государственнымъ устройствомъ, съ развитой торговлей, съ рудниками, дававшими большіе доходы, съ осо-

бенно развитыми ремеслами, съ монументальными постройками, съ хорошими зачатками искусствъ, съ письменностью и школами, которыя уже выходили изъ тѣсныхъ монастырскихъ стѣнъ,—все это или погибло или приостановлено въ развитіи. Такимъ образомъ, сербскій народъ съ конца XV вѣка, когда въ остальной части Европы зарождалась новая жизнь, и замѣчался необыкновенный подъемъ духовной и матеріальной культуры, не только не принималъ участія въ нихъ и не могъ пользоваться результатами усилій человѣческаго ума, но даже терялъ и тѣ духовныя и матеріальныя приобрѣтенія, которыя у него имѣлись раньше.

Сербскій народъ въ Турціи подвергался упадку во всѣхъ отношеніяхъ. Съ ослабленіемъ турецкаго могущества, въ особенности съ конца XVII вѣка, становились менѣе обезпеченными и личная безопасность и частное благосостояніе. Такимъ образомъ, уровень духовной и матеріальной культуры въ сербскихъ областяхъ подъ турецкимъ игомъ былъ въ XVIII вѣкѣ во всѣхъ отношеніяхъ ниже, чѣмъ въ XVI вѣкѣ. Приведемъ только одинъ примѣръ, подтверждающій это. Старое сербское государство уже въ концѣ своей самостоятельной жизни успѣло надѣлать сербскій народъ новымъ культурнымъ учрежденіемъ, только что открытымъ и вошедшимъ въ употребленіе въ Европѣ: типографіей. Послѣднее сербское государство среднихъ вѣковъ на Черно-

горскомъ приморьѣ учредило въ послѣдніе годы XV вѣка въ Цетиньѣ первую сербскую типографію. Интересно отмѣтить, что послѣднее учрежденіе послѣдняго сербскаго государства было не оружейный заводъ, но типографія. Впослѣдствіи, въ XVI вѣкѣ, основаны типографіи почти во всѣхъ сербскихъ областяхъ въ Турціи. Но эти типографіи дѣйствовали недолго: ихъ въ XVII вѣкѣ было гораздо меньше, чѣмъ въ XVI, а въ XVIII уже нѣтъ ни одной. Такъ было во всемъ. Сербскій народъ въ Турціи шелъ назадъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Но тѣмъ не менѣе время турецкаго владычества имѣло для сербскаго народа и хорошія послѣдствія. Прежде всего, въ эпоху турецкаго владычества и рабства Сербовъ сгладились совершенно всѣ сословныя различія, до тѣхъ поръ существовавшія у Сербовъ, а демократическое начало сербскаго народа, которое побуждало его къ борьбѣ за свободу и объединеніе, такъ сильно зародилось именно въ эти дни. Но время турецкаго владычества въ сербскихъ земляхъ, продолжавшееся съ конца XV вѣка до начала XIX, важно и потому, что въ эту эпоху развился и сербскій націонализмъ въ томъ видѣ, каковъ онъ и теперь.

Несмотря на большой недостатокъ источниковъ, все-таки можно установить, что національное самосознаніе у сербскаго народа было живымъ уже довольно рано. По всей вѣроятности,

очень много въ этомъ отношеніи сдѣлалъ первый сербскій просвѣтитель, святой Савва, организовавшій православную церковь въ государствѣ Неманичей на народныхъ началахъ и въ духѣ народныхъ обычаевъ. Святой Савва, насколько это можно установить, первый сознательно и систематически подчеркивалъ вездѣ «сербство» и сербское имя. Его заслуга освобожденіе сербскаго народа отъ Востока—отъ Византіи, и отъ Запада—Венгріи, Венеціи и Папской куріи. Но онъ все-таки сумѣлъ поддерживать оживленныя и искреннія связи со всѣми этими государствами и учрежденіями, воспринимая отъ нихъ все то, что казалось ему полезнымъ, при чемъ умѣлъ приноровить это къ національнымъ потребностямъ сербскаго народа и къ его духу. Кромѣ этого, св. Савва былъ выдающимся организаторомъ, и то, что онъ уже тогда создалъ, въ послѣдующее время развивалось, не терпя значительныхъ измѣненій. Благодаря этому сербскій народъ чтитъ въ св. Саввѣ не только перваго своего просвѣтителя и одного изъ выдающихся писателей и радѣтелей просвѣщенія, но также и одного изъ самыхъ заслуженныхъ Сербовъ, потрудившихся надъ созданіемъ сербскаго національнаго самосознанія. Вѣдь несомнѣнно, что сербская національная церковь и сербское національное просвѣщеніе значительно способствовали могуществу и преуспѣянію сербскаго государства въ средніе вѣка.

И уже въ XIV вѣкѣ можно констатировать, не смотря на полную скудость извѣстій, что сербская церковь тѣсно срослась съ сербской національностью. Въ грамотѣ короля, а потомъ и царя, Душана 1333 года упоминается въ одной изъ сербскихъ католическихъ областей «сербскій попъ». Въ это время, стало быть, православный священникъ назывался сербскимъ; «сербскій» и православный—обозначало одно и то же.

Въ это же время, и при большомъ, какъ я уже сказалъ, недостаткѣ источниковъ, встрѣчаются мѣста, свидѣтельствующія о проявленіи патріотическаго чувства у Сербовъ. Въ одной рукописи конца XIV-го столѣтія, тамъ, гдѣ говорится о битвѣ на Косовомъ полѣ, въ уста сербскихъ вельможъ вложены слова, изъ которыхъ явствуетъ, что преданность государству и народу считалась уже тогда обычнымъ явленіемъ среди Сербовъ.

Въ эти времена наступила и катастрофа: страшное, кровопролитное сраженіе на Косовомъ полѣ, въ которомъ легъ костями цвѣтъ сербскаго дворянства, въ которомъ, вѣрный идеѣ государства и традиціямъ своего народа, поплатился жизнью и правитель Сербіи. Правда, сербское государство существовало нѣсколько десятковъ лѣтъ и послѣ этой катастрофы, но сербскій народъ инстинктивно чувствовалъ, что сраженіе на Косовомъ полѣ было его послѣднимъ самостоятельнымъ актомъ въ борьбѣ съ

Турками. Это сраженіе, стоившее безчисленныхъ жертвъ, давшее безконечный рядъ примѣровъ беззавѣтнаго героизма и пожертвованія собою для спасенія отечества и народа, стало въ памяти народа не только символомъ національнаго несчастія, но и символомъ борьбы за государственную и народную свободу. Въ темные дни неволи сербскій народъ, сознавая свое безсиліе, ушелъ въ себя и жилъ своимъ великимъ прошлымъ; онъ пѣлъ и рассказывалъ о быломъ величіи сербскихъ государствъ, о старыхъ сербскихъ герояхъ, и это придавало ему силу и поддерживало въ немъ надежду на лучшіе дни. Путешественникъ, проѣзжавшій въ XVI-омъ столѣтіи, въ блестящей свитѣ австрійскаго посольства, черезъ сербскія земли въ Константинополь, рассказываетъ, какъ Сербы выходили на дорогу, чтобы видѣть посольство, и какъ старики, со слезами на глазахъ, говорили дѣтямъ: «Смотрите на эту блестящую свиту. И у насъ такъ было, когда мы имѣли свое государство». Тоска по старомъ государствѣ и утраченной свободѣ была такъ велика, что воспоминаніе о нихъ стало самымъ дорогимъ въ душѣ народной и въ жизни народа, а день, когда Сербія, по народному вѣрованію, перестала существовать, день битвы на Косовомъ полѣ, сдѣлался для Сербовъ самымъ знаменательнымъ въ году. День Св. Вита (Видов дан) и Косово поле—это два имени, полныя грустнаго содержанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и

надежды на лучшіе дни и болѣе свѣтлое будущее. Народъ чувствовалъ, что въ Косовскомъ несчастіи повинна не одна лиходѣйка-судьба. Онъ зналъ, чувствовалъ и признавалъ, что въ этомъ несчастіи, равнымъ образомъ и въ гибели сербскаго государства, сопряженной съ тяжкимъ турецкимъ игомъ, есть значительная доля и его собственной вины. «За грѣхи наши пришли турки и покорили насъ», писали старые сербскіе лѣтописцы. Это убѣжденіе было вполне искреннимъ, и поэтому весь народъ вѣрилъ, что грѣхи ему простятся, что онъ избавится отъ рабства, что «отомстить за Косово» только въ томъ случаѣ, если покается и станетъ лучшимъ, если будетъ всегда готовъ пожертвовать для общаго блага жизнью и всѣмъ своимъ достояніемъ. Такимъ образомъ, слова «отомстить за Косово» приобрѣтали смыслъ не только побѣды надъ Турками и возвращенія къ жизни стараго сербскаго государства; они были тѣсно связаны съ исполненіемъ всѣхъ упомянутыхъ условій, необходимыхъ для достиженія великой цѣли. «Кто не возродится, не войдетъ въ царствіе небесное»,—эти евангельскія слова не забывались никогда руководителями нашего народа. Поэтому «отомстить за Косово» обозначало прежде всего возродиться, стряхнуть съ себя старые грѣхи, стать сильнымъ и благороднымъ. Такимъ образомъ, понятіе «Косово» получило символическое значеніе, а «отомстить за Косово»

стало не только идеаломъ, но и программой всего народа.

Главная заслуга въ дѣлѣ укрѣпленія этой программы въ народномъ сознаніи принадлежитъ также сербской православной церкви. Когда турки покорили сербскія земли, они уничтожили автокефальную церковную организацію стараго сербскаго государства. Но въ скоромъ времени они убѣдились въ необходимости пойти навстрѣчу Сербамъ и сдѣлали имъ кое-какія уступки; Сербы же въ свою очередь, въ лицѣ выдающихся людей того времени, пришли къ убѣжденію, что до поры до времени надо мириться съ создавшимся положеніемъ, и стремились заручиться у Турокъ согласіемъ на созданіе какой-либо національной организаціи, способной защищать и охранять народъ. Не трудно догадаться, что такой организаціей могла быть только сербская православная церковь. Въ то время сербская церковь уже срослась съ жизнью сербскаго народа. Послѣ того, какъ сербское дворянство перевелось въ борьбѣ съ Турками, представители церкви, являясь единственнымъ интеллигентнымъ классомъ народа, стали почти единственными представителями его. Въ самой церкви народъ нуждался тогда больше, чѣмъ когда-либо, такъ какъ она подавала утѣшеніе и будила надежду на лучшіе дни. Поэтому-то сербское духовенство и было тѣмъ элементомъ, которому, въ силу обстоятельствъ, было предназначено сдѣ-

латься заступникомъ и представителемъ сербскаго народа въ Турціи.

Результатомъ компромисса между турецкимъ правительствомъ и представителями Сербовъ явилось, въ 1557 году, основаніе, въ сущности, возобновленіе, старой сербской церковной организаціи, патріаршества въ Печи. Оно охватило почти всѣ сербскія земли въ Турціи, и даже за предѣлами ея: въ него вошли и части сербскаго народа, находившіяся въ Австріи и подъ властью Венеціанской республики.

Обновленная автокефальная сербская церковь провела свою организацію и начала чрезвычайно оживленную дѣятельность во всѣхъ сербскихъ краяхъ и во всемъ народѣ. Сорганизовались старыя и создались новыя епархіи; монастыри возобновились и стали дѣйствовать. Такимъ образомъ, религіозная и нравственная жизнь народа направлялась изъ одного центра по одной и той же программѣ, и по однимъ и тѣмъ же принципамъ во всѣхъ сербскихъ земляхъ. Представители сербской церкви, священники и особенно монахи, были въ тѣ времена народными апостолами въ полномъ значеніи этого слова. Въ монастыряхъ были сосредоточены остатки интеллектуальной культуры, сохранившейся еще въ сербскомъ народѣ, и монахи являлись единственной интеллигенціей, единственными представителями культуры и просвѣщенія. Поэтому они пользовались громаднымъ вліяніемъ на жизнь

всего народа; они стали не только его представителями и вождями, но и его учителями. Весь свой трудъ и все свое вліяніе они направляли къ достиженію одной цѣли: къ сохраненію и укрѣпленію въ сербскомъ народѣ православной вѣры и преданности сербской національной идеѣ. Къ этому они стремились, не только работая и проповѣдуя въ церкви, но и трудясь въ средѣ самого народа. Странствуя по всѣмъ сербскимъ краямъ, они учили народъ и рассказывали ему о его великомъ прошломъ и о томъ, какъ живутъ его братья въ остальныхъ частяхъ бывшихъ сербскихъ государствъ. Такимъ образомъ, они являлись постоянной и живой связью между сербскими землями передвижной національной школой и бродячей журналистикой. Изъ Печи, какъ центра сербской православной церкви, распространялось благотворное вліяніе во всѣ сербскіе края. Посланцы печскихъ патріарховъ, экзархи, обходили постоянно всѣ сербскія земли и, укрѣпляя въ народѣ вѣру въ лучшіе дни, учили его свято хранить православіе и народность. Вліяніе церкви было огромно. Подъ сѣнью ея, какъ организованной силы, и подъ защитой ея заботливой дѣятельности, сербскій народъ не только сохранялъ свою вѣру, но въ немъ чрезвычайно развилось и окрѣпло представленіе о его собственной національной индивидуальности вмѣстѣ съ безпредѣльной любовью къ ней. Такимъ образомъ, сербское

національное самосознаніе, созданное, въ главныхъ своихъ очертаніяхъ, еще въ старомъ сербскомъ государствѣ, во время турецкаго владычества вполнѣ оформилось и получило вполнѣ опредѣленное внутреннее содержаніе.

Кромѣ демократизма, развившагося въ сербскомъ народѣ въ эпоху Турокъ, и принципа націонализма, вполнѣ выработавшагося въ немъ въ это время, турецкое владычество вліяло на сербскій народъ еще въ одномъ направленіи.

Благодаря турецкому нашествію передвиженіе Сербовъ съ юга на сѣверъ получило громадныя размѣры и вызвало большія этническія перемѣны. Прежде всего, сербскій народъ занялъ многія земли, этнически не принадлежавшія раньше Сербамъ; въ краяхъ же, въ которыхъ Сербы жили въ маломъ количествѣ, ихъ число, благодаря приливу новыхъ сербскихъ массъ, значительно увеличилось. Такимъ образомъ, Сербы усилили свой элементъ и въ Банатѣ и въ Бачкѣ, и мадьярскіе источники XVI и XVII вѣковъ называютъ эти края, каждый въ отдѣльности, Сербіей.

Не менѣе знаменательно и передвиженіе сербскаго народа въ сѣверо-западные части Балканскаго полуострова, особенно въ Хорватію. Хотя Сербы и Хорваты составляютъ одно и то же племя, сербскій народъ, особенно съ начала XII вѣка, когда самостоятельное хорватское государство перестало существовать, былъ почти

совершенно отдѣленъ отъ своихъ хорватскихъ братьевъ. Хорваты вошли въ составъ мадьярскаго государства, и съ тѣхъ поръ ихъ интересы были тѣсно связаны съ интересами Венгріи и мадьярскаго народа. Въ Босніи сербскій народъ только прозябалъ; государство же Неманичей обратило свои взоры на югъ, употребивъ почти всѣ силы государства на борьбу съ Византіей. Въ эти времена связь между Сербами и Хорватами была незначительна. Единственнымъ исключеніемъ является царствованіе боснійскаго короля Твертка I (1353 — 1391), собравшаго подъ свой скипетръ и часть хорватскихъ земель. Но царствованіе Твертка, это только эпизодъ безъ большого значенія и серьезныхъ послѣдствій. Сербы и Хорваты остались и впослѣдствіи почти совершенно отдѣленными другъ отъ друга, съ оріентаціей въ разныя стороны и съ стремленіемъ къ разнымъ центрамъ.

Турецкое нашествіе вызвало и въ этомъ большую перемѣну. Какъ выше сказано, сербскій народъ, вслѣдствіе турецкихъ завоеваній, передвигался на сѣверъ и сѣверо-западъ, — въ земли, населенныя въ тѣ времена одними Хорватами. Часть Хорватовъ подъ натискомъ Турокъ оставила уже отечество, и Сербы заняли мѣстами совершенно опустѣвшіе края. Въ другихъ же частяхъ осталось все-таки достаточное количество хорватскаго элемента, который съ тѣхъ поръ смѣшался съ Сербами. Внѣдреніе Сербовъ

въ эти края и непосредственное соприкосновение ихъ съ Хорватами имѣло громадное значеніе для будущаго. Сербь и Хорваты поняли, что они одно и то же, что у нихъ тотъ же языкъ, тѣ же обычаи и тѣ же традиціи. Но социальныя, экономическія, а отчасти и религіозныя интересы, къ которымъ потомъ присоединились и интересы политическія, сильно вліяли въ направленіи разъединенія и междоусобной борьбы Сербовъ и Хорватовъ. И нужно было, чтобы прошли многіе годы блужданія по ложнымъ путямъ, куда ихъ вели ихъ общіе враги, пока, наконецъ, весь сербо-хорватскій народъ не вышелъ на настоящую дорогу, сознавъ, что Сербь и Хорваты одно, и что народное ихъ объединеніе является единственнымъ идеаломъ, къ которому они должны неуклонно стремиться.

Кромѣ расширенія этническихъ границъ и установленія тѣсныхъ связей съ Хорватами, передвиженіе Сербовъ на сѣверъ имѣло еще одно важное значеніе. Переселяясь на сѣверъ, Сербь входили въ австрійскія владѣнія, гдѣ условія для жизни были гораздо болѣе выгодны, чѣмъ въ Турціи. Когда послѣ осады Вѣны въ 1683 г., волна турецкаго нашествія окончательно отхлынула на югъ, до береговъ Савы и Дуная, и когда Австрія вернула южную Венгрію и Хорватию, эти новоотвоєванные края были уже населены почти исключительно Сербами. Сербь оставались и подъ властью Австріи въ этихъ краяхъ, подвергаясь,

правда, всевозможнымъ національнымъ и религіознымъ преслѣдованіямъ, но пользуясь вмѣстѣ съ тѣмъ личной и имущественной безопасностью, благами, недостаткомъ которыхъ отличалась Турція. Эта безопасность явилась первымъ условіемъ ихъ культурнаго развитія.

Въ XVIII-мъ столѣтіи, благодаря войнамъ съ Австріей и Россіей, Турція оказалась въ состояніи полного внутренняго разстройства; въ странѣ воцарилась анархія. Подобно другимъ народамъ турецкой имперіи, и Сербы жили въ постоянной борьбѣ, въ вѣчной тревогѣ, лишеныя просвѣщенія и культуры. Тогда какъ въ это же самое время сербскій народъ въ Австріи, хотя въ малой степени, но все-таки могъ развиваться въ культурно-просвѣтительномъ направленіи. Благодаря благосостоянію буржуазнаго сословія, австрійскіе Сербы стали открывать школы и обзаводиться типографіями. Первая помощь въ этомъ дѣлѣ получена ими изъ Россіи. Просвѣтительно-культурныя связи съ Россіей были въ это время особенно оживленны: изъ Россіи прибывали учителя и преподаватели въ сербскія школы, ученіе въ которыхъ велось по русскимъ, т. е. русско-славянскимъ книгамъ; всѣ сербскія церкви получили русско-славянскія церковныя книги, печатанныя въ Россіи; въ Россію явились молодые Сербы для поступленія въ русскія школы; среди нихъ былъ и Іоаннъ Раичъ, воспитанникъ духовной академіи въ Кіевѣ, знаменитый потомъ историкъ сербскій.

Но несмотря на это вся культура, возникшая, зародившаяся и развивавшаяся у австрійскихъ Сербовъ въ XVIII вѣкѣ, имѣла съ самаго начала исключительно національный характеръ.

Большая часть сербскаго населенія этого времени въ Австріи пришла изъ Турціи и именно изъ тѣхъ частей ея, которыя составляли главное ядро средневѣкового государства Неманичей. Они принесли сюда преданія о старомъ величїи и свободѣ, о старыхъ сербскихъ герояхъ и подвижникахъ, и эти преданія слились съ тѣми, которыя находились уже у Сербовъ автохтоновъ.

Кромѣ того, связи, и частныя и торговыя, между Сербами въ Австро-Венгріи и Сербами въ Турціи были въ это время очень оживленными, а духовныя связи поддерживались, кромѣ монаховъ, слѣпыми гусярами, бродившими постоянно по территоріи всего сербскаго народа отъ Солуни до Будима и воспѣвавшими народное прошлое и надежду на будущее воскресеніе. Такимъ образомъ, въ это время еще глубже укрѣпилась въ сербскомъ народѣ идея духовнаго единства. Сербскій народъ теперь былъ уже сплоченъ въ одно цѣлое не только однимъ языкомъ, одною религіей и одними обычаями, но также и однимъ міросозерцаніемъ, одними чувствами, стремленіями и идеалами, однимъ словомъ, великимъ и тѣснымъ духовнымъ единеніемъ, называющимся сербскимъ націонализмомъ.

Это духовное объединеніе сербскаго народа

было на дѣлѣ уже закончено, когда появился просвѣтителъ новаго времени и создатель новѣйшей сербской литературы и современнаго сербскаго просвѣщенія, Досиѣей Обрадовичъ. Обрадовичъ въ своихъ сочиненіяхъ и теоретически обосновалъ сербскій націонализмъ и провозгласилъ единство сербскаго народа, не считаясь съ государственными и областными границами, не считаясь также и съ другими различіями, въ немъ существующими, и даже не считаясь съ различіями вѣроисповѣдными.

Въ XVIII вѣкѣ, стало быть въ то время, когда еще не было самостоятельнаго сербскаго государства, которое могло бы стать носителемъ идеи политическаго единства сербскаго народа, самое духовное объединеніе его было уже закончено.

Вскорѣ послѣ этого, въ самомъ началѣ XIX вѣка, создано новое сербское государство. Какую позицію должно было занять это государство по отношенію къ національнымъ вопросамъ, можно было видѣть уже по тому, что первымъ министромъ просвѣщенія его сталъ Досиѣей Обрадовичъ. Совершенно естественно поэтому, что новое сербское государство, еще во время борьбы за существованіе, считалось политическимъ центромъ, около котораго долженъ собраться весь сербскій народъ. За созданіе Сербіи жертвовали жизнью, точно такъ же, какъ и теперь жертвуютъ за Великую Сербію,

Сербы со всѣхъ концовъ сербской земли, изъ Бачки, Баната и Срѣма, изъ Хорватіи и Далмаціи, изъ Босніи и Герцеговины, изъ Черногоріи, изъ Старой Сербіи и Македоніи. Но не только воины, но и культурные дѣятели и государственные люди, созидавшіе новое сербское государство, были изъ всѣхъ сербскихъ областей. И такъ это было до послѣдняго времени: Сербія постоянно черпала силу изъ всѣхъ сербскихъ областей. Въ мирное время это была моральная и интеллектуальная дань, которую весь сербскій народъ платилъ свободной метрополіи. А сербское государство съ своей стороны считало, съ перваго дня своей самостоятельной жизни, своей важнѣйшей задачей—освобожденіе и объединеніе всего сербскаго народа въ одно цѣлое.

Насколько сербскіе повстанцы при Карагеоргіи, въ самомъ началѣ сербскаго возстанія, думали, что создающаяся Сербія должна стать отечествомъ всего сербскаго народа, видно изъ письма, посланнаго ими въ августѣ 1806 года Сербамъ, находившимся въ это время въ Триестѣ: «Съ разныхъ сторонъ отъ васъ, находящихся внѣ Сербіи, дорогого вашего отечества, мы получаемъ различныя извѣстія и письма, которыми вы желаете ободрить насъ и воодушевить, чтобы мы доблестно отстаивали отечество и, защищая его, проливали кровь. Изъ этого мы видимъ, какъ велика ваша любовь къ отечеству, и съ

какой радостью вы, подобно намъ, ожидаете того свѣтлаго момента, когда всякій Сербъ, гдѣ бы онъ ни находился, сможетъ смѣло сказать: мы—Сербы, и у насъ свое отечество. Доблестные Сербы, разсѣянные по чужимъ землямъ, ждутъ съ нетерпѣніемъ и радостью того момента, когда они будутъ въ состояніи сказать слѣдующія божественныя слова: у насъ свое независимое отечество... Мы, храбрые, съ радостью идемъ и съ радостью гибнемъ за общую славу—и вашу и нашу». И просятъ ихъ, чтобы и тѣ съ своей стороны «отечеству созидающемуся оказали помощь, ибо оно колеблется и теперь, какъ колебалось на Косовѣ». Развѣ въ этихъ словахъ, написанныхъ сто десять лѣтъ тому назадъ, во время, когда все еще велась кровавая борьба за созданіе первыхъ основъ государственной жизни, не выражена вполнѣ ясно мысль, что будущее сербское государство, будетъ отечествомъ всего сербскаго народа, и что оно должно таковымъ считаться всѣми Сербами? Мысль, что необходимо освободить всѣхъ Сербовъ, и тѣхъ, которые находились въ Турціи, и тѣхъ, которые находились въ Австро-Венгріи, и объединить ихъ съ Сербами въ Сербіи, ясно выражена въ обращеніи сербскихъ повстанцевъ къ русскому императору лѣтомъ 1807 года. Тутъ испрашивается, на основаніи просьбы Сербовъ, находящихся въ Австро-Венгріи, поддержка Россіи для осуще-

ствленія «стремленій, заключающихся въ томъ, чтобы, по договору съ Сербами Баната и Срѣма и съ ихъ содѣйствіемъ, освободить всѣхъ Сербовъ отъ турецкаго и нѣмецкаго ярма». Этотъ документъ ясно показываетъ, что сербскій народъ и въ Сербіи, которая въ это время только создавалась, и внѣ ея границъ,—въ Турціи и въ Австро-Венгріи,—стремился уже къ освобожденію отъ чужого владычества и порабощенія и къ объединенію въ одномъ независимомъ государствѣ. Точно также уже тогда было ясно подчеркнуто, что Сербія самими обстоятельствами предопредѣлена взять дѣло освобожденія и объединенія въ свои руки.

Я думаю, что не нужно особенно подчеркивать, а еще менѣе нужно приводить доказательства того, что идея полного освобожденія отъ турецкаго и австрійскаго ига и объединенія сербскаго народа въ одномъ національномъ независимомъ государствѣ, жила въ теченіе всего XIX вѣка, развиваясь постоянно все больше въ глубь и въ ширь и все болѣе укрѣпляясь.

Само собою ясно, что обстоятельства для осуществленія этой идеи складывались не всегда одинаково благопріятно. Внѣшнія обстоятельства, какъ извѣстно, были въ теченіе всего XIX вѣка особенно неблагопріятны. Сербія была мала и незначительна; ея престижъ въ послѣдней четверти XIX вѣка даже постоянно уменьшался, такъ что подъ конецъ XIX-го и къ началу XX-го в.

Сербія удостоилась, пожалуй, всеобщаго презрѣнія; во всякомъ случаѣ никто не думалъ что Сербія можетъ предпринять что-нибудь серьезное, а еще менѣе сдѣлаться центромъ сербскаго народа. Судьбой Сербіи никто не интересовался, сербскій вопросъ не существовалъ.

Въ этомъ значительную роль сыграли, къ сожалѣнію, и внутреннія неурядицы и внутреннее развитіе сербскаго государства. Сербія въ теченіе XIX вѣка прошла черезъ многіе странные фазисы развитія. Истощенная борьбой за освобожденіе, продолжавшейся больше десяти лѣтъ, она получила, и по отношенію къ пространству и по отношенію къ внутреннему содержанію, гораздо меньше того, чего она ожидала и на что она въ различные моменты этой борьбы имѣла право рассчитывать. Въ началѣ она имѣла очень узкую автономію подъ турецкимъ верховнымъ владычествомъ, съ турецкими гарнизонами въ крѣпостяхъ и съ собственными правителями, освободившими, правда, страну отъ Турокъ, но удержавшими турецкую идеологію, турецкія воззрѣнія на право власти и на управленіе страной. У такой Сербіи не было условій для быстрого и правильнаго развитія, благодаря чему начались въ ней большіе кризисы и внутренняя борьба за государственное устройство и внутреннія свободы. Этими домогательствами и борьбой за освобожденіе изъ-подъ турецкой власти наполнена большей частью исторія Сербіи въ XIX вѣкѣ.

Въ связи съ этимъ начались и династическія и партійныя распри, запутавшія еще болѣе всѣ отношенія и создавшія еще больше въ Европѣ убѣжденіе, что вся Сербія занята вопросами, не могущими нисколько подвинуть впередъ рѣшеніе великихъ національныхъ проблемъ.

Но было не такъ. Тотъ, кто глубже входилъ въ дѣло, могъ легко убѣдиться, что дѣло обстоитъ иначе. Въ народахъ и государствахъ различныя идеи могутъ жить параллельно, взаимно дополняя другъ друга и взаимно оказывая другъ другу помощь. Бываютъ моменты, когда одна идея бываетъ выдвигается изъ среды остальныхъ только для того, чтобы, покончивъ съ нею, приступить къ осуществленію другихъ. Такъ было и въ Сербіи въ XIX вѣкѣ. Внутренняя борьба и кризисы должны были происходить изъ-за того, что было необходимо добиться свободы, потому что внутренняя свобода правильно считалась первымъ и самымъ важнымъ предварительнымъ условіемъ для всесторонняго и правильнаго національнаго и государственнаго развитія.

Поэтому, и во время указанныхъ внутреннихъ неурядицъ, все вниманіе въ Сербіи не было все-таки поглощено внутренними дѣлами. Ни на одну минуту сербскій народъ въ Сербіи не забывалъ, что главная задача сербскаго государства заключается въ освобожденіи и собираніи въ одно цѣлое всѣхъ областей, въ которыхъ живетъ народъ одного языка.

Въ сербскомъ націонализмѣ можно констатировать особенный подъемъ послѣ 1848 года, во время такъ называемаго «движенія молодежи» (омладински покрет), движенія просвѣтительно - культурнаго, представители котораго съ особеннымъ усердіемъ предавались культу національности. Результатомъ этого движенія явилось то національное воодушевленіе, которое въ 1876 году увлекло маленькую Сербію и Черногорію въ войну противъ Турокъ. «Въ Болгаріи и въ Босніи наши братья стонутъ. Ихъ жены и ихъ дѣти терпятъ отъ насильниковъ; мы должны имъ помочь и съ своей стороны все сдѣлать, чтобы ихъ избавить»,—это была популярнѣйшая пѣсня, съ которою сербскіе солдаты отправлялись въ бой.

Но и эта и слѣдующая за ней война, потомъ Санъ-Стефанскій миръ и Берлинскій договоръ, принесли сербскому народу одно разочарованіе. Въ первой войнѣ Сербія была побѣждена, во второй—военныя дѣйствія прерваны раньше, чѣмъ ей удалось использовать свои успѣхи. Санъ-Стефанскимъ миромъ создана великая Болгарія за счетъ многихъ сербскихъ областей, а Берлинскимъ конгрессомъ Боснія и Герцеговина отданы Австро-Венгріи. Все это были удары, одинъ сильнѣе другого. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Сербіи началась реакція, и государственная власть начала совершать насилія надъ внутренней свободой; во внѣшней политикѣ создана

новая орієнтація и притомъ въ направленіи, не соотвѣтствовавшемъ ни духу народному, ни государственнымъ интересамъ. И въ зарубежныхъ областяхъ сербскаго народа было не лучше. Почти вездѣ были налицо взаимныя несогласія и взаимныя распри, а притѣсненія государственной власти, направленные противъ Сербовъ, были вездѣ сильны. Четверть вѣка послѣ Берлинскаго конгресса, это мрачное время новой сербской исторіи, когда Сербь и Сербія были извѣстны только отрицательными сторонами; это было время, когда Сербь считались народомъ погибшимъ, народомъ безъ идеаловъ и безъ будущаго.

Но этотъ народъ, который уже казался совершенно погибшимъ, былъ далеко не таковымъ; въ немъ была ключемъ національная сила, копившаяся вѣками и давшая ему возможность мужественно перенести всѣ несчастія.

Въ послѣдніе годы XIX вѣка началось у всего сербскаго народа, а въ Сербіи въ особенности, въ высшей степени живое и сильное, совершенно новое національное движеніе, охватившее сразу весь сербскій, хорватскій, а потомъ и словинскій народъ. Съ тѣхъ поръ, когда въ Хорватіи, въ 30-ые годы XIX вѣка, началось національное возрожденіе, и у Сербовъ и у Хорватовъ было живо чувство, что они одинъ и тотъ же народъ, что у нихъ общіе враги, и что у нихъ общіе интересы. Эта простая и естественная истина, однако, не сразу и не навсегда покорила умы

всѣхъ Сербовъ и Хорватъ. Государственная власть въ Австро-Венгріи, боявшаяся всегда согласія и единства Сербовъ и Хорватъ, старалась постоянно, пользуясь всѣми средствами, разъединить ихъ, чтобы, такимъ образомъ, междоусобной борьбой ихъ ослабить. И это ей въ извѣстные моменты, къ сожалѣнію, удавалось. Отъ поры до времени доброе расположеніе однихъ къ другимъ смѣнялось враждебнымъ. Но послѣ многихъ исканій и заблужденій, продолжавшихся цѣлое полустолѣтіе, явилось къ концу XIX вѣка новое поколѣніе сербской и хорватской молодежи, провозгласившее единство и равноправіе обоихъ племенъ. Этимъ сербско-хорватскій вопросъ вошелъ въ новый фазисъ, или, лучше, онъ пересталъ существовать: Сербы и Хорваты, всѣ безъ различія, заявили, что они представляютъ только одинъ народъ, и признали себя совершенно однороднымъ цѣлымъ. Поколѣніе сербской и хорватской молодежи, создавшее новыя основы сербско-хорватскаго объединенія, образовало вскорѣ послѣ этого сербско-хорватскую коалицію, составленную изъ самыхъ большихъ, самыхъ лучшихъ сербско-хорватскихъ политическихъ партій, и внесшую въ свою политическую программу сербско-хорватское единство, какъ исходное и незыблемое положеніе.

Но толчки получались и съ другихъ сторонъ. Въ первые годы XX вѣка выдвигается, какъ главнѣйшій центръ національнаго дви-

женія, Сербія, въ которой, послѣ кровавой трагедіи 29 мая 1903 года, восшествіемъ на престолъ короля Петра, были порѣшены всѣ внутренніе вопросы, такъ что началась необыкновенно интенсивная дѣятельность въ области общественнаго и національнаго пониманія національных и государственныхъ нуждъ и стремленій. Весь народъ чувствовалъ, что Сербія, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ и внутреннихъ кризисовъ, отстала во всѣхъ отношеніяхъ, и когда въ 1908 году Австріей была объявлена аннексія Босніи и Герцеговины, въ Сербіи разразилась буря негодованія и недовольства. Но это негодованіе, въ особенности послѣ уступки въ боснійскомъ вопросѣ въ мартѣ 1909 года, было направлено прежде всего противъ несчастной судьбы и противъ собственныхъ грѣховъ. И послѣ этого еще болѣе усилилась дѣятельность, давшая въ результатѣ полное возрожденіе страны. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ происходила усиленная работа во всѣхъ направленіяхъ, касавшаяся государственнаго устройства, обороны, всесторонней національной подготовки къ великимъ національнымъ и государственнымъ задачамъ. Поэтому-то необыкновенное воодушевленіе и громадная моральная и матеріальная сила, обнаруженная Сербіей, потомъ значительные успѣхи въ турецкой войнѣ нисколько не удивили тѣхъ, кто зналъ и слѣдилъ за тѣмъ, что предпринималось въ Сербіи въ те-

ченіе послѣднихъ лѣтъ непосредственно передъ войною.

Успѣхи, достигнутые въ турецкую и болгарскую войны, подняли вѣру не только у сербскаго народа въ Сербіи, но еще больше у Сербовъ, Хорватъ и Словинцевъ за границами Сербіи. Мечта, которую вѣками лелѣяли всѣ поколѣнія сербскаго народа во всѣхъ сербскихъ земляхъ, стала дѣйствительностью. Косово отомщено, Старая Сербія, колыбель государства Неманичей, и Македонія соединены съ Сербіей, а Сербія и Черногорія получили общую границу; престижъ Сербіи поднялся въ глазахъ всего міра. Все это вызвало сильное воодушевленіе и высокій подъемъ національной идеи у всего сербскаго народа, а также и у Хорватъ и Словинцевъ. Чѣмъ тяжелѣе становилась жизнь Сербо-Хорватовъ и Словинцевъ въ Австро-Венгріи въ послѣдніе годы во всѣхъ отношеніяхъ,—тѣмъ больше всѣ они желали воссоединенія съ Сербіей. Сербское королевство было теперь украшено сіяніемъ славы, но оно больше притягивало къ объединенію своихъ сородичей своими благородными стремленіями къ національному единству, а столько же и своимъ свободолюбіемъ и демократизмомъ.

Такимъ образомъ, идея политическаго объединенія всего сербско-хорватскаго и словинскаго народа въ одномъ государствѣ явилась естественнымъ послѣдствіемъ ихъ духовнаго объединенія. Эта идея въ XIX вѣкѣ теплилась

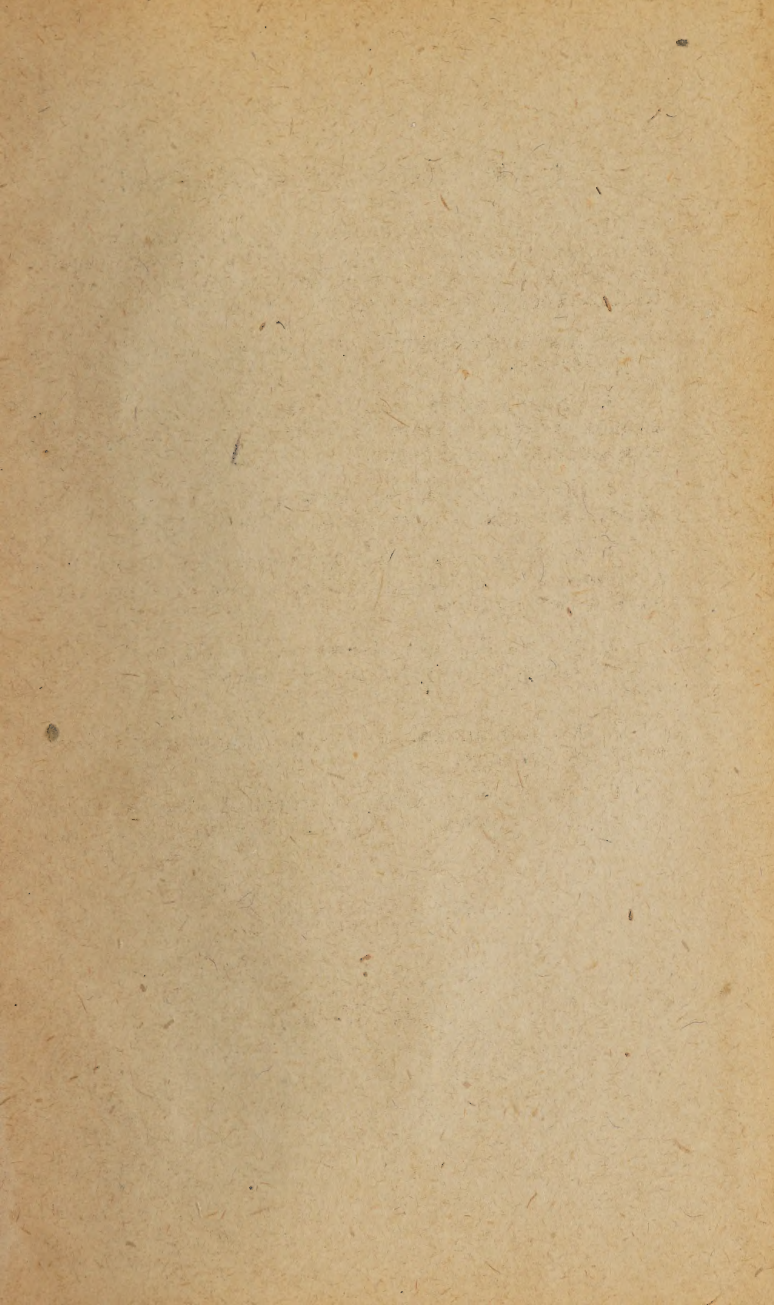
подъ пепломъ, ибо она не могла быть явно провозглашена. Но въ послѣднее время она стала составной частью сознанія сербско-хорватскаго и словинскаго народа, *conditio sine qua non* національнаго будущаго и національной жизни.

* * *

Прежде чѣмъ кончить, позвольте мнѣ резюмировать вкратцѣ то, что я сказалъ. Исторія Сербовъ, это исторія борьбы маленькаго народа за свою свободу и объединеніе. Борьба эта исполнена трагизма, а картина, которую она даетъ, изобилуетъ яркими красками. Благопріятные и неблагопріятные моменты смѣняются другъ друга. Во всей этой борьбѣ, продолжавшейся безъ перерыва больше двѣнадцати вѣковъ, можно подмѣтить одно чувство, которое съ теченіемъ времени становится все яснѣе и опредѣленнѣе: это — любовь къ свободѣ и къ своему народу. Ею сербскій народъ всегда руководствовался и отъ нея получалъ духовную силу, необходимую ему для того, чтобы перенести всѣ испытанія.

Эту духовную силу обнаруживаетъ и теперь прежде всѣхъ Сербія, взявшая на себя съ самаго начала своей государственной жизни трудную роль духовнаго и политическаго центра южнаго славянства и приносившая постоянно для этого большія и тяжелыя жертвы. Подобную же

силу обнаруживаютъ также и всѣ остальные сербскія, хорватскія и словинскія области, или съ самаго начала считавшія Сербію своимъ естественнымъ политическимъ центромъ, или воспринявшія съ теченіемъ времени, эту политическую программу, какъ единственно спасительную для своихъ народовъ, и онѣ, съ своей стороны, трудясь для объединенія съ Сербіей, приносили и приносятъ и сегодня великія и кровавыя жертвы. Такимъ образомъ, всѣ стремленія сербо-хорватскаго и словинскаго народа слились въ одно могучее теченіе, свидѣтельствующее о томъ, что объединеніе Сербо-Хорватъ и Словинцевъ находится передъ окончательнымъ осуществленіемъ.

Книги Русско-сербской библіотеки:

1. Ст. Л. Станоевичъ, Историческій очеркъ стремленій сербовъ, хорватъ и словинцевъ къ объединенію. Съ предисловіемъ В. И. Ковалевскаго, предсѣдателя Русско-сербскаго общества.

2. Джузеппе Преццолини, Далмація. Переводъ съ итальянскаго.

3. Современные документы, относящіеся къ объединенію сербо-хорватъ и словинцевъ, съ предисловіемъ проф. А. И. Белича.

4. Шарль Веллэ, Вопросъ объ Адриатическомъ морѣ, съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣва.

5. А. И. Беличъ и Ст. Л. Станоевичъ, Борьба за духовное и политическое объединеніе сербовъ, хорватъ и словинцевъ.

6. Сетонъ Ватсонъ, Балканы, Италія и Адриатическое море. Съ его же предисловіемъ для русскаго изданія.

7. О. Словинцахъ. Трудъ „Югославянскаго комитета“ въ Лондонѣ.

8. Сербія подъ врагомъ. Нота сербскаго правительства, съ приложеніемъ провѣренныхъ документовъ и данныхъ.

Цѣна 80 коп.

БОРЬБА

за духовное и политическое
объединеніе.

Сербовъ, Хорватъ и Словинцевъ.

ЛЕКЦИИ.

прочитанныя проф. А. И. Беличемъ и С. Л. Станоевичемъ.
въ Петроградскомъ университетѣ.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL

00029017698